

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВСКИЙ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПРОКЛЯТЬЕ ДРЕВНИХ

Сын Пепла

Евгений Мироновский
Проклятье древних

«Автор»

2026

Мироновский Е.

Проклятье древних / Е. Мироновский — «Автор», 2026 — (Сын Пепла)

После падения в бездну, где не выживают даже легенды, Калдрин Вандрейк открывает глаза в месте, о котором не рассказывают вслух. НокТарим — забытое сердце древнего мира, где каждое существо жаждет крови, а прошлое не отпускает живых. Здесь союзники становятся врагами. А враги — единственным шансом выжить. Пока старые тайны поднимаются из глубин, на горизонте разгорается угроза, способная уничтожить саму реальность. И чтобы остановить её, Калдрину придётся сделать выбор, к которому нельзя подготовиться. Выбор, после которого уже не будет пути назад. Финал истории, где герои становятся легендами. И легенды остаются одни.

© Мироновский Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Мироновский

Проклятье древних

Часть первая

Лоринтар замер над чёрной гладью подземной реки, и сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Уцелевшая рука, испарпанная и дрожащая от перенапряжения, всё ещё бесцельно рассекала ледяную воду — пальцы скребли илистое дно, цепляли склизкие камни, натыкались на пустоту. Миг назад здесь исчез Калдрин. Исчез вместе с Красным Магом, с которым сцепился в последней, отчаянной схватке прямо у кромки берега. Река, казавшаяся по колено глубиной, поглотила обоих мгновенно и беззвучно — ни всплеска, ни кругов на маслянистой поверхности, только тишина, звонкая и невыносимая.

Тёмный эльф заставил себя остановиться. Ладонь выползла из воды, оставляя на коже холодные дорожки. Он опустил на колени прямо в прибрежную грязь, перемешанную с чужой кровью, и замер неподвижной статуей, вмёрзшей в этот проклятый берег. Разум, только что кипевший яростью боя, превратился в выжженное пепелище. Мысли отсутствовали. Там, где секунду назад был человек, ставший ему ближе кровных родичей, теперь расстилалась чёрная вода — безмолвная, равнодушная, и необъяснимая. Он понимал, что вода имеет магический характер. Их тела исчезли как только коснулись воды.

Потеря обрушилась ледяной глыбой, раздавив все прочие ощущения. Лучший друг. Единственный, ради кого Лоринтар готов был плевать на законы матриархата и древние устои Нок'Мораэ. Не успел. Опоздал на вдох, на удар сердца.

Резкая боль пронзила предплечье — напоминание о переломе. Лоринтар с шипением втянул воздух сквозь зубы и прижал повреждённую конечность к груди. Горячая вспышка страдания выдернула сознание из оцепенения быстрее любой молитвы. Тело помнило боль, а значит — он ещё жив. А если жив он, возможно, жив и Калдрин. За время путешествия с Калдрином, Лоринтар был уверен, что его не так-то просто убить. Этот человек точно жив.

Взгляд упал на клинок, брошенный в спешке у самой воды. Оружие лежало в грязи, тускло отражая мерцание гнилушек, росших на сводах пещеры. Лоринтар поднялся — медленно, преодолевая дрожь в коленях. Пальцы сомкнулись на рукояти. Привычная тяжесть стала вернула толику уверенности. Он заставил себя осмотреться по сторонам, хотя внутренне уже приготовился увидеть картину полного разгрома.

Картина эта превзошла самые мрачные ожидания.

Берег подземной реки превратился в бойню. Несколько dwarфов лежали у реки в неестественных позах, разбросанные невидимой и безжалостной рукой. Красный Маг прошёлся по их отряду, как коса по сухой траве. Никто не дышал. Грудные клетки не вздымались. От головы Громадного Рога мало что осталось. Запах крови и мёртвой плоти заставило бы извергнуть содержимое желудка неопытного бойца. Однако Лоринтар был к этому привычен и смотрел на эту кровавую баню с холодом. Тишина стояла такая плотная, что собственное дыхание казалось Лоринтару кошунственно громким.

Но в этой тишине вдруг родился звук — влажный, надсадный кашель.

Тёмный эльф развернулся мгновенно, хищно пригнувшись. Тело отреагировало раньше рассудка, ведомое инстинктами, вбитыми годами жизни в подземных лабиринтах. Клинок взлетел в боевую позицию, раненое предплечье прижалось к поясу. Сознание очистилось до звенящей ясности — так бывает только перед лицом смертельной угрозы. Каждая мышца напряжилась, каждый нерв обратился в натянутую струну.

Звук донёсся со стороны исполинской туши Громадного Рога. Минотавр лежал на животе, его знаменитая секира валялась в трёх шагах от раскрытой ладони — мёртвый гигант так и не успел нанести последний удар. Лоринтар двинулся в ту сторону, ступая по влажной земле с осторожностью хищника, подкрадывающегося к добыче. Каждый шаг отмерялся с точностью, каждый перенос веса рассчитывался так, чтобы под ногой не хрустнула предательская ветка грибницы.

За тушей минотавра открывался вид на рошу исполинских грибов — подземный лес, уходящий шляпками в густой сумрак сводов Нок'Тарима. От подножия ближайшего гриба, чья ножка толщиной превосходила вековой дуб, тянулся тёмный влажный след. Кровь. Её было много, и вела она куда-то вглубь чащи, скрываясь за молочно-белыми наростами, источавшими слабый болезненный свет.

Лоринтар перехватил рукоять поудобнее, чувствуя, как по венам разливается холодный огонь адреналина. Впереди ждала неизвестность — друг или враг, жертва или затаившийся убийца.

Лоринтар двигался вдоль кровавого следа, и каждый шаг отдавался в висках набатом. Остриё клинка рассекало затхлый воздух подземелья, готовое вонзиться в любую тень, что посмеет шелохнуться. Грибной лес обступал его со всех сторон — исполинские ножки вздымались к невидимому потолку пещеры, шляпки терялись в густом мраке, и только бледное свечение гнилушек очерчивало контуры этого безмолвного царства. Пахло сыростью, медью и разложением.

Рассудок, обострённый близостью возможной схватки, лихорадочно перебирал варианты. Кто мог оставить этот след? Враг не стал бы ползти прочь, истекая кровью. Враг добил бы раненого и ушёл в темноту — быстро и бесшумно. Красный Маг исчез в реке, а больше тут и некому... Значит, там, за поворотом грибной тропы, мог скрываться кто-то из своих. Выживший. Тот, кому хватило сил отползти от места бойни в поисках укрытия.

Лоринтар ускорил шаг ровно настолько, насколько позволяла осторожность. Раненое предплечье ныло тупой пульсирующей болью при каждом движении, но тёмный эльф давно научился отключать тело от сознания — древний навык, вбитый наставниками ещё в юности. Боль становилась просто информацией. Информация не мешала сражаться.

Уже на подходе к исполинскому грибу, чья кора отливала мертвенной белизной, слух уловил новый звук. Едва различимый, вибрирующий где-то на грани восприятия — мягкий, переливчатый звон.

Он обогнул массивный корневой нарост и замер.

У подножия гриба, привалившись спиной к шершавой коре, сидел Кано. Паладин. Человек, чьи доспехи когда-то сияли отражённой славой небес, а теперь представляли собою жалкое зрелище. Нагрудник был вмят внутрь с такой чудовищной силой, что края металла рассекли кожу и вошли глубоко в плоть. Из-под изуродованной брони сочилась кровь — густая, тёмная, собирающаяся в лужицу у основания грибницы. Ладонь паладина прижималась к одной из вмятин, и именно оттуда исходило то самое свечение — чистое, золотистое, отдающее солнечным теплом посреди вечного мрака подземелий. Свет пульсировал в такт дыханию, то разгораясь ярче, то угасая до едва заметного мерцания. Кано кашлял — влажно, надсадно, с каким-то булькающим присвистом, не предвещающим ничего хорошего.

Паладин поднял взгляд на возникшую перед ним фигуру, и лицо его исказилось удивлением. Брови дёрнулись вверх, рот приоткрылся — очевидно, он ожидал увидеть кого угодно, только не тёмного эльфа с клинком наголо. Свечение под ладонью тотчас погасло, оставив их обоих в полумраке, разбавленном лишь бледным сиянием гнилушек. Кано отдёрнул руку от раны с поспешностью, выдававшей нежелание демонстрировать свою слабость или, быть может, саму природу исцеляющей магии.

Лоринтар выдохнул — коротко, с облегчением, которое не позволил себе проявить лицом. Клинок отправился в ножны мягким, хорошо смазанным движением. Опасности здесь не было. Только умирающий союзник и безмолвный грибной лес, равнодушно вззирающий на чужую агонию.

Он приблизился уже без прежней опаски, опустил на одно колено рядом с паладином и заглянул в его осунувшееся, серое лицо. Глаза Кано лихорадочно блеснули, но взгляд оставался осмысленным — пока ещё осмысленным.

— Насколько всё плохо? — спросил Лоринтар без предисловий. Голос его прозвучал глухо, поглощённый влажной тишиной подземелья.

Кано поёрзал, пытаясь устроиться поудобнее, и затылок его глухо стукнулся о кору гриба. Он закашлялся снова — на этот раз дольше, мучительнее, с надрывом, сотрясающим всё тело. На губах запузырилась розоватая пена. Отдышавшись, паладин криво усмехнулся и прохрипел:

— Чччёрт... Сложно вот так оценить... Но я не чувствую свою печень...

Он замолчал, переводя дыхание. Свет гнилушек отражался в его зрачках, делая их похожими на два тусклых болотных огонька.

— Этот противник оказался нам не по зубам, да?

Лоринтар ничего не ответил. Вместо этого он повернул голову, обводя взглядом окрестности грибной чащи. Слух напрягся до предела, выискивая в тишине малейший признак угрозы — шорох, дыхание, скрип хитина. Ничего. Только капель где-то вдалеке и собственное сердце, всё ещё колотящееся о рёбра. Место выглядело достаточно укрытым. Исполинские грибы создавали естественную стену, а толстый слой спор на земле глушил звуки. Если Красный Маг и выжил после падения в реку, сюда он доберётся не сразу.

— Помоги мне снять эти треклятые доспехи, — просипел Кано, и в голосе его промелькнула тень прежней командирской интонации.

Лоринтар кивнул. Без лишних слов он протянул здоровую руку к застёжкам наплечника, оценивая масштаб повреждений. Металл вошёл в тело глубоко — снимать броню придётся осторожно, миллиметр за миллиметром, иначе вместе с железом выйдут и внутренности палатина. Задача предстояла кропотливая и мучительная для обоих.

— Терпи, — бросил тёмный эльф и принялся за работу.

Снятие доспехов превратилось в пытку, растянувшуюся на долгие минуты. Каждая пряжка, каждое соединение металлических пластин требовали от Лоринтара предельной осторожности и отнимали у палатина последние крупинки сил. Ремни пропитались кровью и задубели, заклёпки погнулись от чудовищного удара, а края разорванной стали глубоко ушли в тело, срастаясь с плотью в жутком подобии противоестественного симбиоза. Тёмный эльф работал молча, стиснув зубы и стараясь не смотреть Кано в лицо — искажённое болью, покрытое испариной, с закушенной до белизны губой. Паладин держался. Изредка с его губ срывался сдавленный стон, но ни единой жалобы, ни единой мольбы о пощаде Лоринтар не услышал.

Когда последний элемент нагрудника с влажным, отвратительным чавканьем отделился от раны, взгляду открылось то, что заставило бы содрогнуться даже бывалого полевого хирурга. Грудная клетка палатина представляла собою месиво из рваных краёв плоти, осколков рёбер, торчащих под неестественными углами, и тёмных провалов, в которых угадывались внутренние органы. Кровь больше не текла ручьём — она сочилась лениво, густая и почти чёрная, выдавая критическую потерю жизненных сил. Лоринтар задержал взгляд на этих ранах дольше, чем следовало. Рассудок отказывался принимать очевидное: человек с такими повреждениями должен быть мёртв. Должен был умереть ещё там, на берегу, в первые секунды после удара Красного Мага. Но Кано дышал. Его глаза, пусть и затуманенные болью, сохраняли проблески сознания, а пальцы всё ещё сжимались в кулаки, цепляясь за ускользающую жизнь с упрямством, граничащим с безумием.

Паладин перехватил изучающий взгляд тёмного эльфа и слабо шевельнул рукой — то ли отмахнулся, то ли попытался прикрыть зияющие раны от чужого внимания. Голос его прозвучал тихо, но отчётливо, пробиваясь сквозь влажное клокотание в лёгких:

— Не заикливайся на мне. Лучше найди Иллиарис...

Он закашлялся — тяжело, с надрывом, сотрясаясь всем телом. Из горла вырвался густой тёмный комок, который паладин с отвращением сплюнул в сторону. Кровь растеклась по подбородку, закапала на остатки порванной поддоспешной рубахи. Кано облизал пересохшие губы и добавил уже тише, но с непоколебимой убеждённоcтью:

— Она не из тех, кто просто так умрёт...

Лоринтар не стал спорить. Иллиарис действительно обладала поразительной живучестью — качеством, не раз спасавшим её в самых безнадёжных передрыгах. Если кто и мог пережить бойню, учинённую Красным Магом, то в первую очередь она. Высший маг тёмных эльфов не из того теста, чтобы сгинуть бесследно, не оставив после себя ни углей, ни пепла.

— Один справишься? — спросил Лоринтар, и в голосе его не было ни сомнения, ни излишней жалости. Только холодная, практичная оценка ситуации.

Кано в ответ лишь ухмыльнулся — криво, через силу, но с тенью прежнего, почти дерзкого выражения на измученном лице. Он запрокинул голову, упираясь затылком в шершавую кору гриба, и прикрыл глаза.

— Что-нибудь придумаю... Иди.

Тёмный эльф задержался на несколько ударов сердца, вглядываясь в осунувшиеся черты паладина. В подземном сумраке лицо Кано казалось вырезанным из старой кости — резкое, угловатое, с провалами глазниц и заострившимися скулами. Затем Лоринтар вытянул из ножен клинок. Холодная сталь тускло блеснула в призрачном свете гнилушек. Он вложил оружие в раскрытую ладонь паладина, обхватил его пальцы своими и сжал кулак, заставляя Кано почувствовать вес металла. Последний аргумент на случай, если тьма подступит раньше, чем подоспеет помощь. Паладин понял жест без лишних объяснений и ответил коротким, почти незаметным кивком. Его рука легла на рукоять с привычной уверенностью воина, для которого клинок — продолжение собственного тела.

Лоринтар поднялся с колена, развернулся и зашагал прочь, оставляя Кано наедине с тишиной грибного леса.

Обратный путь он проделал быстро, уже не тратя время на излишнюю скрытность. Места были знакомые — те же исполинские грибы, те же маслянистые лужи, отражающие бледное свечение гниющих шляпок. Вскоре перед ним вновь открылся берег чёрной реки, усеянный телами павших.

Лоринтар первым делом обвёл взглядом место, где исчез Калдрин. А затем расширил круг поиска, ощупывая глазами каждый камень, каждый изгиб береговой линии. Lumigael. Реликвия высших эльфов. Клинок, выкованный из света и коры великого древа. Оружие, способное развеять любое проклятье. Тот самый меч, что Калдрин сжимал в руке, когда Красный Маг утянул его в бездонные воды.

Его нигде не было.

Лоринтар прошёлся вдоль кромки воды, всматриваясь в чёрную гладь. Пусто. Он обыскал берег, переворачивая носком сапога тела погибших воинов и отбрасывая в сторону обломки оружия. Пусто. Меч исчез вместе с Калдрином и колдуном — бесследно, не оставив после себя ни отблеска, ни намёка на собственное существование. Странное обстоятельство, достойное отдельного размышления, но не сейчас. Сейчас каждая минута промедления могла стоить Иллиарис и Кано жизни.

Тёмный эльф подавил желание нырнуть в реку следом за другом и заставил рассудок работать в практическом русле. Он нагнулся, подобрал с земли свой второй клинок — тот валялся там же, где Лоринтар обронил его в первые мгновения после исчезновения Калдрина.

Лезвие покрывала корка запёкшейся крови, но сталь под ней оставалась целой, без зазубрин и трещин. Клинок отправился в ножны мягким, привычным движением.

Теперь рука.

Лоринтар опустился на одно колено, вытянул повреждённую конечность перед собой и принялся за работу. Нашёлся подходящий обломок древка от сломанного копья — достаточно длинный, чтобы зафиксировать предплечье от локтя до запястья. Из обрывков плаща, сорванного с дварфа, получились широкие полосы ткани. Первый оборот вокруг руки заставил его зашипеть сквозь стиснутые зубы. Второй — вырвал из горла сдавленный рык. Когда же пришлось совмещать края сломанной кости, придавая конечности правильное положение, боль пронзила тело раскалённой спицей от пальцев до самого плеча. Хруст вышел отчётливый, влажный и тошнотворный. Лоринтар замер на несколько мгновений, переживая волну дурноты. Пот градом катился по вискам, стекал по шее за шиворот, смешиваясь с грязью и чужой кровью. Он утёр лицо здоровой рукой, глубоко вдохнул спёртый подземный воздух и закончил фиксацию — туго, надёжно, не оставляя кости ни малейшей возможности сместиться.

Поднявшись на ноги, тёмный эльф ещё раз обвёл поле боя долгим, оценивающим взглядом. Теперь, когда острота первой боли схлынула, а рука перестала дёргаться от каждого неосторожного движения, детали проступили чётче. Земля под ногами кишела Терзнями. Лоринтар брезгливо обошёл пусть и мёртвое, но особо крупное скопление этих тварей.

Взгляд зацепился за нечто знакомое.

В десятке шагов от берега, у подножия невысокого каменного выступа, лежала отрубленная рука. Тонкая, изящная, с длинными пальцами, унизанными серебряными кольцами — даже в смерти сохранившими аристократическую красоту. Иллиарис. Лоринтар узнал эти кольца. Магические фокусаторы, настроенные на её личную ауру.

Он быстро преодолел разделявшее их расстояние и поднял конечность с земли. Рука уже начала холодеть, но окоченение ещё не наступило. Тёмный эльф повертел находку, оценивая характер среза. Удар пришёлся наискось, отрубив почти всю руку. Лезвие прошло чисто, почти хирургически — Красный Маг владел магией мастерски, этого не отнять. Затем Лоринтар прикинул траекторию, по которой Иллиарис отлетела от удара. Направление указывало куда-то вглубь Нок'Тарима, дальше от реки, в сторону старых туннелей, ведущих к заброшенным жилищам древних тёмных эльфов.

Он выдохнул, собираясь с мыслями. Направление определено. След найден. Иллиарис жива — должна быть жива. Та, кто пережила падение Айр'Калет, интриги Нок'Мораэ и не одну схватку с порождениями Лорена, не могла сгинуть от потери руки в лабиринтах собственного народа.

Лоринтар двинулся вглубь Нок'Тарима, и каждый его шаг отдавался в тишине приглушённым эхом, затухающим где-то в бесконечных переплетениях туннелей. Кровавый след Иллиарис вёл его прочь от чёрной реки, забирая всё дальше в сердце древних лабиринтов, где воздух становился гуще, а мрак — осязаемее. Тёмный эльф ступал осторожно, перенося вес тела плавно, по-кошачьи, и раненая рука, зафиксированная импровизированной шиной, покоилась у груди неподвижным грузом. Вторая ладонь лежала на рукояти клинка, готовая выхватить оружие в любой миг и одновременно с этим держал подмышкой отрубленную руку Иллиарис. Глаза неустанно обшаривали пространство впереди — каждый выступ, каждую тень, каждое углубление в камне, способное укрыть затаившегося врага. Ноздри раздувались, втягивая воздух и считывая его послания: запах крови Иллиарис — терпкий, с примесью магического флёра, свойственного высшим магам; запах грибницы — влажный, землистый, отдающий гнильцой; запах воды — далёкий, холодный, напоминающий о покинутой реке; и что-то ещё, едва уловимое, но настойчивое — металлический привкус опасности, разлитый в самом естестве этого места.

Подземелье пробуждалось.

Поначалу Лоринтар не замечал перемен, поглощённый выслеживанием. Но постепенно тишина, давившая на уши после бойни у реки, начала отступать, сдавая позиции перед натиском звуков, идущих со всех сторон одновременно. Первым вернулся стрекот. Он зародился где-то в зарослях исполинских грибов справа, перекинулся на левую сторону, размножился, окреп, и вскоре уже целый хор этих невидимых музыкантов наполнял подземелье своей неутомимой песней. Следом вступил писк — тонкий, почти на границе человеческого слуха, звенящий где-то у самого свода пещеры. Летучие мыши покинули свои убежища в расщелинах и теперь кружили высоко над головой, их кожистые крылья рассекали воздух с едва слышным шелестом, а пронзительные голоса вплетались в общую симфонию пробуждающейся жизни. Шорох множества лап зазвучал отовсюду — по камням, по грибным ножкам, по лианам, унизанным светящимися ягодами, сновали невидимые существа. Мелкие обитатели подземного мира, потревоженные недавней битвой и запахом смерти, теперь возвращались к своим извечным делам: охота, спаривание, борьба за территорию, бесконечный круговорот существования в краю вечной ночи.

Лоринтар остановился на мгновение, прислушиваясь к этой какофонии. Где-то далеко, за пределами видимости, раздался низкий утробный рёв — тот самый, от которого кровь стыла в жилах, а рука сама тянулась к оружию. Рёв прокатился под сводами пещеры, отразился от каменных стен, многократно усилился и затих, оставив после себя звенящую паузу, во время которой даже стрекот насекомых, казалось, притих в почтительном страхе. Тёмный эльф переждал эту паузу, замерев неподвижной статуей среди грибного леса, и двинулся дальше, когда жизнь вокруг возобновила свой привычный ритм.

Светящиеся мхи и лишайники покрывали стены плотным ковром, испуская мягкое зеленоватое сияние, разгонявшее мрак ровно настолько, чтобы глаза могли различать очертания предметов, но недостаточно для полной уверенности в увиденном. Выше, куда не дотягивался прямой взгляд, свечение меняло оттенок — становилось голубоватым, призрачным, а в самых дальних углах пещеры, где каменные своды смыкались с полом, и вовсе переходило в болезненную белизну. Сталактиты свисали сверху массивными каменными клыками — некоторые толщиной в человеческое тело, иные и в два. Они росли вниз, встречаясь с такими же сталагмитами, поднимавшимися снизу, и в некоторых местах эти встречи уже произошли, образовав причудливые колонны, уходящие в темноту, теряющиеся в вышине.

Лоринтар обогнул одну из таких колонн — исполинскую, покрытую светящимся мхом, отчего вся она мерцала в полумраке призрачным изумрудным огнём. Кровавый след Иллиарис вёл дальше, петляя между грибными стволами и каменными наростами. Тёмный эльф присел на корточки, коснулся пальцами влажной земли — след был свежим, кровь ещё не до конца впиталась в почву. Он поднял взгляд, оценивая направление. Где-то там, впереди, среди этого подземного леса, затаилась раненая волшебница. Живая или мёртвая — предстояло выяснить.

Он выпрямился и зашагал дальше, ускоряя темп ровно настолько, насколько позволяла осторожность. Звуки подземного мира сопровождали его неумолчным хором: стрекот, писк, шорох, далёкий плеск воды. Запахи смешивались в густой, дурманящий коктейль: влажная земля, грибы, цветущие лианы, чья-то мускусная вонь, доносящаяся из тёмного провала бокового туннеля, и поверх всего — железный привкус крови, ведущий его вперёд. Всё что он чувствовал на расстоянии, сильно отличалось от человека. Ведь человек не способен улавливать звуки и запахи, смотреть в даль и ощущать кожей. Всё это и даже более, было присуще тёмным эльфам.

Лес вокруг жил своей потаённой жизнью. Между грибными стволами мелькали тени — мелкие существа, разбегающиеся прочь при приближении двуногого хищника. Лианы, унизанные светящимися ягодами, колыхались от неощутимого движения воздуха, создавая иллюзию, что само подземелье дышит, наблюдает, оценивает незваного гостя. Один раз Лоринтар замер, уловив краем глаза движение справа — крупная тень метнулась между сталагмитами и исчезла

в зарослях прежде, чем он успел разглядеть её обладателя. Рёва не последовало. Тварь, кем бы она ни являлась, предпочла не связываться.

Кровавый след становился всё более прерывистым. Иллиарис теряла силы — это читалось по тому, как удлинялись промежутки между каплями, как неровно ложился отпечаток её тела на влажную землю в тех местах, где волшебница падала и поднималась снова. Лоринтар мысленно прикинул расстояние. Ещё немного — и он нагонит её. Или то, что от неё осталось после встречи с Красным Магом.

Где-то впереди, за плотной стеной грибных стволов, брезжил свет. Не зеленоватый, привычный глазу после долгого пребывания в подземелье, а иной — тёплый, золотистый, отдающий магией. Лоринтар замедлил шаг, пригнулся и двинулся вперёд, сливаясь с тенями, которым был обязан самой своей природой. Рука легла на рукоять клинка привычным, успокаивающим жестом. Что бы ни ждало его там, у источника этого света, он встретит это с оружием в руке и холодным расчётом во взгляде. Так, как учили его наставники в Нок'Мораэ. Так, как требовала многовековая кровь тёмных эльфов, текущая в его жилах.

Часы тянулись бесконечной чередой, сплетаясь в монотонную нить, разрываемую лишь звуками пробудившегося подземелья. Лоринтар шёл сквозь грибной лес, и время утратило всякий смысл — здесь, в вечной ночи Нок'Тарима, день не сменял ночь, а свет мхов не тускнел и не разгорался ярче. Ориентиром служил только кровавый след, становившийся с каждым пройденным отрезком всё более скупым, всё более прерывистым. Капли падали реже, расстояние между ними увеличивалось, и тёмный эльф уже начал опасаться, что в какой-то момент след просто оборвётся, затеряется среди переплетений корней и каменной крошки, оставив его одного посреди бескрайнего подземного царства без малейшей зацепки.

Он не останавливался. Раненая рука ныла тупой, изматывающей болью, отдающей в плечо и шею при каждом неосторожном движении. Голод скручивал желудок, напоминая о том, что последний приём пищи остался где-то в прошлой жизни — ещё до спуска в лабиринты, до встречи с Красным Магом, до того, как всё пошло прахом. Жажда сушила горло, но фляга, висевшая на поясе, давно опустела, а вода из чёрной реки вызывала у Лоринтара инстинктивное отторжение — слишком хорошо он помнил, как эта гладь поглотила Калдрину без единого всплеска.

Лоринтар обогнул очередную колонну — сросшиеся сталактит и сталагмит образовали причудливую арку, покрытую светящимся мхом, мерцавшим изумрудными переливами и замер.

Впереди, у подножия исполинского гриба, чья ножка уходила ввысь на добрых три десятка футов, лежала фигура. Знакомая фигура. Тонкая, изящная, облачённая в остатки тёмных одежд, местами разрезанных, местами пропитанных запёкшейся кровью. Иллиарис.

Она лежала ничком, уткнувшись лицом в сырую землю, и длинные серебристые волосы разметались вокруг головы спутанным ореолом. Одежда — то, что от неё осталось — висела лохмотьями, обнажая бледную, почти светящуюся в полумраке кожу. Порезы покрывали тело волшебницы от плеч до бёдер, но крови под ней почти не было — то ли раны успели закрыться сами, то ли магическая регенерация, свойственная высшим эльфам, уже начала свою работу. Лоринтар прислушался, затаив дыхание. Слабый, едва различимый звук — вдох, выдох, снова вдох. Дышит. Жива.

Тёмный эльф не бросился к ней сразу. Вместо этого он присел за широким основанием гриба, сливаясь с тенью, и замер неподвижно, обратившись в слух и зрение. Глаза обшаривали пространство вокруг Иллиарис — каждый камень, каждый выступ, каждый подозрительный изгиб рельефа. Уши ловили малейшие шорохи, отсеивая привычный шум подземелья и выискивая то, чему здесь быть не полагалось. Где-то там, в лабиринтах Нок'Тарима, осталась тень, мелькнувшая на границе восприятия несколькими часами ранее. Крупная и быстрая. Бесшумная, если не считать случайно потревоженного камня. Лоринтар не знал, что это было, но

интуиция, отточенная десятилетиями выживания в самых опасных уголках подземного мира, настойчиво твердила: за ним следят.

Минута. Вторая. Тишина. Только стрекот насекомых, писк летучих мышей, шорох невидимых лап. Ничего лишнего. Ничего угрожающего.

Лоринтар выдохнул и ступил вперёд, выходя из укрытия. Отрубленную руку Иллиарис, которую он нёс всё это время прижимая к груди, он аккуратно уложил рядом с телом хозяйки — пока не время для восстановления, но бросать конечность высшего мага в этих лабиринтах означало обресть её на пожизну Терзням. Затем тёмный эльф опустился на колени, просунул здоровую руку под плечи волшебницы и осторожно, стараясь не потревожить раны, перевернул её на спину и приподнял, укладывая головой на своё бедро.

Иллиарис была в сознании. Глаза её — глубокие, обычно сверкающие острым умом и скрытой насмешкой — смотрели на него снизу вверх, но взгляд этот казался затуманенным, лишённым привычной цепкости. Лицо волшебницы поражало бледностью — кожа приобрела оттенок старой кости, а тонкие голубые прожилки вен проступали на висках пульсирующей паутиной. Губы пересохли и потрескались, дыхание вырывалось из груди тяжёлыми, неровными толчками. Но она была здесь.

Лоринтар придержал её голову ладонью, не давая затылку удариться о жёсткую землю, и заговорил первым. Голос его прозвучал негромко, но отчётливо, прорезая фоновый шум подземелья:

— Я тебя не узнаю. Высший маг, которого я знаю, проиграла в битве, так ещё и мне приблизиться позволила. Теряешь хватку, Иллиарис.

Волшебница дышала тяжело, но на губах её промелькнула тень прежней язвительности. Она ответила не сразу — сначала собрала с силами, сделала глубокий вдох, задержала его на мгновение и выдохнула вместе со словами:

— Ты недооцениваешь меня. Думаешь, я не узнаю твой шаг, Лоринтар?

Голос её звучал слабо, но интонации оставались теми же — острыми, колкими, с неизменной примесью высокомерия, свойственного всем тёмным эльфам. Она перевела взгляд, на короткий миг задержав его на лице Лоринтара, и задала вопрос, которого он ждал:

— Кто остался?

Тёмный эльф не стал смягчать правду.

— Кано... в предсмертном состоянии. Я оставил его на месте. Остальные все мертвы.

Он произнёс это ровно, без лишних эмоций, констатируя факт. Война не оставляла времени на скорбь — по крайней мере, не сейчас, когда смерть всё ещё дышала в затылок.

Внезапно слух Лоринтара уловил посторонний звук — негромкий хруст, донёсшийся откуда-то из-за плотной стены грибных стволов. Кто-то прошуршал в траве. Тёмный эльф напрягся, но не обернулся, сохраняя видимость спокойствия.

— За мной кто-то следит, — произнёс он тихо, наклонившись ближе к уху Иллиарис. — Нам лучше поторопиться и уйти из Нок'Тарима.

Волшебница отреагировала мгновенно. Единственная уцелевшая рука взметнулась вверх и вцепилась в ворот его доспеха с силой, которой Лоринтар никак не ожидал от существа, потерявшего столько крови. Пальцы сжались мёртвой хваткой, притягивая его лицо ближе к её лицу. Глаза Иллиарис вспыхнули прежним огнём — отчаянным и требовательным, прожигающим насквозь.

— Калдрин... он... жив?..

Вопрос прозвучал так, что любые попытки уйти от ответа сделались бы бессмысленными. Лоринтар смотрел в эти глаза несколько долгих мгновений и понимал: ложь она раскусит в тот же миг, как слова сорвутся с его губ. Слишком хорошо они знали друг друга. Много лет провели бок о бок в интригах матриархата. Иллиарис читала его лицо, как раскрытую книгу

— по малейшему движению бровей, по дрожанию ресниц, по тому, как напрягались желваки на скулах.

— Я не знаю, — ответил он честно. — Он упал в Силь-Вораэн вместе с магом в красном.

Силь-Вораэн. Чёрная река, чьи воды не принимали света, чьё дно ощущалось пальцами, но не возвращало упавших. Река магического происхождения, рождённая в глубинах Нок'Тарима задолго до того, как первые тёмные эльфы высекли здесь свои жилища. Древние говорили, что Силь-Вораэн помнит всё, что в неё попало, и не отдаёт обратно ничего.

Хватка на воротах ослабла. Пальцы Иллиарис разжались медленно, неохотно, скользнули вниз и бессильно упали ей на грудь. Лицо волшебницы изменилось неуловимо и страшно — черты заострились ещё сильнее, а в глазах, только что горевших отчаянной надеждой, поселилась пустота. Грусть накрыла её тенью, пролегла морщинами у губ, заставила веки дрогнуть. Она поджала побелевшие губы, и одинокая слезинка скатилась из уголка глаза, прочертив влажную дорожку по виску и затерявшись в серебристых волосах. Иллиарис отвернулась — резко, почти грубо, пряча лицо от взгляда Лоринтара. Возможно, не желая показывать слабость. Послышался всхлип.

Лоринтар понимал её боль слишком хорошо. Его собственная грудь сдавилась невидимым обручем, а в горле встал ком, который он усилием воли загнал обратно. Калдрин был ему другом. Лучшим другом. Тем, ради кого он пошёл против воли сестры-матриарха, против законов Нок'Мораэ, против здравого смысла. Но лить слёзы сейчас — непозволительная роскошь. Смерть всё ещё бродила где-то рядом, и каждая минута промедления приближала их собственную кончину.

Он принялся подниматься, подхватывая Иллиарис под спину и помогая ей принять вертикальное положение. Волшебница не сопротивлялась — то ли силы окончательно покинули её, то ли она признала правоту Лоринтара. Тёмный эльф закинул её единственную руку себе на плечо, обхватил за талию и рывком поставил на ноги. Иллиарис покачнулась, но устояла, вцепившись в него мёртвой хваткой.

— Пойдём, — произнёс Лоринтар негромко, но твёрдо. — Нужно уходить.

Он нагнулся, подобрал с земли отрубленную конечность волшебницы и сунул её за пояс — не бросать же здесь. Он думал, что у неё хватит сил приделать её обратно. Затем, придерживая Иллиарис и чувствуя, как её тело дрожит от слабости, Лоринтар зашагал обратно.

* * *

Сознание возвращалось медленно, неохотно, толчками пробиваясь сквозь толщу чёрной, вязкой пустоты, в которой я пребывал неизвестно сколько времени. Сперва пришло ощущение тяжести — давящей, всеобъемлющей, разлитой по всему телу от макушки до пят. Затем появился холод — сырой, подземный, пробирающий до самых костей, заставляющий внутренности сжиматься в попытке сохранить остатки тепла. И только потом, когда тяжесть и холод окончательно утвердились в правах, я почувствовал, что у меня есть веки.

Разлепить их оказалось задачей почти непосильной. Глаза не слушались, слиплись, отказывались повиноваться, и мне потребовалось несколько мучительных попыток, прежде чем мир вокруг обрёл очертания. Первое, что я увидел — потолок. Высокий, теряющийся во мраке каменный свод, усеянный россыпью крошечных огней. Они мерцали в вышине, переливались холодными оттенками — белым, голубоватым, изумрудным — и на какой-то краткий, обманчивый миг мне почудилось, что я лежу под открытым небом, усеянным звёздами. Искусственные звёзды подземелья. Светящиеся мхи и лишайники, забравшиеся так высоко, что ни один факел не достал бы до них. Красиво, но жутко.

Желудок скрутило внезапным спазмом — резким и болезненным, выворачивающим наизнанку. Я ощутил, как нечто чужеродное, тяжёлое и холодное поднимается изнутри, запол-

няет пищевод требуя выхода. Тело среагировало быстрее рассудка. Я перевернулся на бок, упёрся ладонями в каменистую землю, пытаюсь приподняться, и в тот же миг рот наполнился отвратительной, маслянистой жидкостью. Меня вырвало чёрной водой — той самой, что поглотила меня. Она выходила толчками, густая и холодная, отдающая железом и чем-то древним, затхлым, противоестественным. Рвотные спазмы сотрясали тело, выбивая остатки воздуха из лёгких, заставляя давиться и кашлять. Чёрные брызги летели на камни, впитывались в почву, оставляя после себя тёмные разводы, и каждый новый спазм приносил с собой новую порцию проклятой влаги, которой, казалось, не будет конца.

Пришла резкая боль. Я опирался на руки — вернее, пытался опираться, удерживая вес тела на дрожащих конечностях, пока желудок исторгал из себя содержимое. И в какой-то момент ладони пронзило острой, ослепляющей вспышкой страдания. Режущей, раздражающей, проходящей от кончиков пальцев до самых локтей раскалёнными спицами боли. Руки подломились мгновенно, лишив меня всякой опоры. Я рухнул обратно на землю, врезавшись грудью в камни, и замер, тяжело дыша и хватая ртом спёртый подземный воздух. Лёгкие горели. В висках стучало. Перед глазами плавали тёмные пятна, мешая сосредоточиться на чём-то конкретном.

Я перевернулся на спину медленно, осторожно и преодолевая слабость, разлитую по всему телу. Поднял руки перед собой, поднеся их к лицу, чтобы рассмотреть в тусклом свете подземных мхов. И пожалел об этом мгновенно.

Кожи почти не осталось. Она свисала лохмотьями, обнажая воспалённую, сочащуюся сукровицей плоть, а местами отсутствовала и плоть — в провалах ран белели кости. Фаланги пальцев просвечивали сквозь истончившуюся ткань, суставы обнажились, и каждый вдох, каждое биение сердца отдавались в этих оголённых нервах новой вспышкой мучительной агонии. Я поморщился — непроизвольно, рефлекторно, хотя лицо, наверное, исказилось куда сильнее, чем мне хотелось бы. Вид собственных рук, превратившихся в куски сырого мяса на костяном каркасе, вызывал тошноту посильнее, чем чёрная вода.

Вместе с этой картиной вернулась память. Всё разом. Красный Маг, схватка у чёрной реки, падение в бездонную глубину, которая оказалась вовсе не бездонной. Вода, сомкнувшаяся над головой тяжёлым саваном. И Lumirael в моей руке — клинок из света и коры великого древа, разящий проклятья. Я помнил, как вогнал его в грудь колдуна. Помнил вспышку — ослепительную, золотую, пробившую даже чёрную толщу чёрной воды. И больше ничего. Пустота и забвение.

Я заставил себя приподняться. Движения выходили рваными, неуклюжими — тело не слушалось, отказывалось подчиняться приказам рассудка. Уперевшись локтями в землю, я согнулся, подтянул ноги, принимая сидячее положение с вытянутыми вперёд конечностями. Каждое усилие отзывалось болью в десятках мест, о существовании которых я даже не подозревал. Спина ныла. Рёбра болели при каждом вдохе. Шея затекла так, что поворот головы превращался в испытание. Но я сидел. Живой. Дышащий. Способный видеть и слышать.

Я осмотрелся.

Берег, на который меня выбросило, мало походил на тот, где разыгралась битва. Река здесь была другой — не чёрной и маслянистой, а прозрачной, кристально чистой на вид. Вода текла медленно, величаво, поблёскивая в свете мхов серебристыми искрами, и уходила куда-то вдаль, скрываясь за поворотом каменного русла. Вокруг простиралось всё то же подземелье — грибной лес, светящиеся лианы, исполинские сталагмиты, уходящие ввысь колонны сросшихся минералов. Воздух пах влажной землёй, грибами и чем-то цветущим, дурманящим. Место было наполнено стрекотом, писком, шорохом и далёким плеском воды. Подземный мир жил своей жизнью, не подозревая о том, что где-то там, выше по течению, остались тела моих товарищей.

Я опустил взгляд на собственное тело и скривился. По коже ползали какие-то твари. Мелкие жучки, излучающие мягкое, люминесцентное свечение — зеленоватое, голубоватое, бледно-жёлтое. Они облепили мои ноги, живот, грудь, копошились в лохмотьях одежды, деловито перебирали крошечными лапками. Слизни — полупрозрачные, студенистые, источающие тот же призрачный свет — медленно ползли по предплечьям, оставляя за собой влажные мерцающие дорожки. Зрелище выходило омерзительное и завораживающее одновременно. Живой ковёр из света и слизи, избравший моё тело в качестве временного пристанища.

Я сплюнул остатки чёрной воды — густую, вязкую слюну с металлическим привкусом — и вновь обвёл взглядом окрестности. Мысли ворочались медленно, с трудом пробиваясь сквозь пелену слабости и боли. Куда это меня занесло? Вниз по течению? Река несла свои воды через весь Нок'Тарим, исчезая в одних туннелях и появляясь в других? Могло ли случиться так, что чёрная река где-то в глубинах превратилась в эту — прозрачную и чистую? Или меня выбросило в совершенно иной водоём, связанный с чёрной водой подземными протоками? Вопросы множились, ответов не находилось, а голова гудела так, что любая попытка мыслить связно причиняла почти физическую боль.

Я повернул голову вправо — медленно, преодолевая сопротивление затекших мышц, и замер.

В нескольких шагах от меня, у самой кромки воды, лежал Lumirael.

Клинок высших эльфов покоился на влажных камнях, и его лезвие, выкованное из чистого света и коры великого древа, испускало мягкое золотистое сияние. Оно пульсировало — медленно, размеренно, в такт биению невидимого сердца, и каждый импульс света заставлял тени вокруг чуть отступать, а воздух наполняться едва уловимым теплом. Реликвия, способная развеять любое проклятье. Меч, что пронзил сердце Красного Мага и, судя по всему, спас мою никчёмную жизнь.

Я рухнул на живот, даже не успев осознать собственное намерение. Тело действовало само, повинаясь инстинкту, куда более древнему и властному, чем рассудочные размышления. Боль пронзила грудь и рёбра, но я уже не обращал на неё внимания. Уперевшись локтями в каменистую землю, я пополз. Кисти висели бесполезными, изуродованными обрубками — стоило попытаться опереться на них, и острая вспышка страдания едва не лишила меня сознания. Поэтому я полз на локтях, на предплечьях, на всём, что ещё могло выдержать вес тела. Камни впивались в плоть, оставляя новые ссадины поверх старых ран. Светящиеся жучки разбежались в стороны, потревоженные движением. Слизни оставляли на коже блестящие разводы.

Добравшись до меча, я остановился и замер, переводя дыхание. Лёгкие горели огнём, в висках стучало, перед глазами плыли тёмные круги. А его-то сюда как занесло? Мысль всплыла откуда-то из глубин затуманенного сознания, ленивая и неспешная. Ах да... Я ведь убил им Красного Мага. Но мне казалось, я выронил клинок в момент падения. Пальцы разжались, вода вырвала оружие из рук, утянула во тьму. Или не вырвала? Может, я продолжал сжимать рукоять даже тогда, когда сознание покинуло меня? Может, Lumirael сам выбрал остаться со мной — древняя реликвия, обладающая собственной волей и непонятными мне целями?

Я медленно протянул руку, осторожно, преодолевая страх перед новой вспышкой боли. Изломанные пальцы, лишённые кожи и плоти, выглядели чужими, не принадлежащими мне, но я заставил их двигаться. Ладонь легла на рукоять Lumirael, и я приготовился к худшему.

Боль пришла, но она оказалась терпимой — острой, обжигающей, пронзившей оголённые нервы до самого плеча, однако вполне выносимой для человека, прошедшего через падение в чёрные воды подземной реки. Я стиснул зубы, ожидая, что ощущения усилятся, что придётся разжать хватку и отступить, но уже в следующее мгновение произошло нечто, заставившее меня замереть в полнейшем изумлении.

Lumirael отозвался. Тёплая волна пробежала от рукояти к моей ладони, растеклась по запястью, поднялась выше, и там, где она проходила, плоть начинала меняться. Я смотрел во

все глаза, не в силах отвести взгляда, не в силах даже моргнуть. Сперва проступили сосуды — тонкие, полупрозрачные нити, пульсирующие в такт биению моего собственного сердца. Они оплетали оголённые кости, ветвились и утолщались, наливаясь жизнью. Затем пришли нервы — я почувствовал их возвращение раньше, чем увидел: покалывание, зуд, миллион крошечных иголок, вонзающихся в возрождающуюся плоть. Следом потянулись мышечные волокна — красноватые, упругие, обвивающие костяной каркас и скрепляющие его в единое целое. И наконец сверху выросла кожа — гладкая, чистая, лишённая шрамов и отметин, покрытая едва заметным золотистым свечением, которое медленно угасало, впитываясь в новые ткани.

Я замер, не дыша, боясь спугнуть это чудо. Рука, только что представлявшая собою кровавое месиво, стала обычной. Пальцы сгибались. Костяшки двигались. Кожа натягивалась на суставах именно так, как ей и полагалось. Никаких ран. Никаких увечий. Целая, живая, тёплая конечность, принадлежащая мне по праву.

Потрясение оказалось столь сильным, что я на несколько мгновений выпал из реальности, погрузившись в созерцание собственной исцелённой ладони. А затем рассудок взял верх над изумлением, и я действовал. Вторая рука всё ещё оставалась изуродованной, и теперь, зная, на что способен Lumirael, я не собирался медлить. Осторожно переложил клинок, вложил рукоять в левую ладонь и повторил всё заново. Боль — терпимая, знакомая уже. Тепло — разливающееся по венам жидким золотом. Сосуды, нервы, плоть, кожа. Минута — и вторая конечность сделалась целой, здоровой, готовой сжимать оружие или держать щит.

Я облегчённо выдохнул, и этот выдох получился долгим, протяжным, почти стоном. В голове роились мысли, обгоняя одна другую. Lumirael имеет целительные свойства? Реликвия, выкованная из света и коры великого древа, способная развеивать проклятья — оказывается, она умеет ещё и восстанавливать плоть? Хитрый лис, почему же ты раньше мне об этом не сказал? Риан на вид обладал множеством тайн и секретов, но делился ими крайне неохотно, отменяя информацию крохотными порциями. Возможно, он и сам не знал всех возможностей оружия, которое охранял. А возможно — знал, но предпочёл умолчать, руководствуясь какими-то своими, одному ему ведомыми соображениями.

Память кольнула острым сожалением. Риан умер. Хитрый лис был убит, и его тело отправили в чёрную реку. Я помнил этот момент слишком отчётливо. И сейчас, сидя на берегу неизвестной реки с исцелёнными руками, я вдруг осознал, что если бы знал о целительных свойствах Lumirael раньше — возможно, смог бы спасти его. Возможно, Риан сейчас был бы жив и отпускал свои язвительные комментарии где-нибудь поблизости.

Я тряхнул головой, отгоняя бесполезные мысли. Прошлое не изменить. Сожаления — удел слабых. Сейчас требовалось думать о настоящем и о том, как выбраться из этого проклятого места живым.

Я представил, как Lumirael исчезает — уходит в ножны, которых у меня, строго говоря, не было. Но клинок в физических ножнах и не нуждался. По моему мысленному приказу лезвие окуталось серой дымкой. Дымка уплотнилась, сгустилась вокруг клинка и принялась втягиваться в невидимую точку, увлекая за собою оружие. Секунда — и Lumirael исчез полностью, растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое покалывание в ладонях и смутное ощущение присутствия где-то на границе восприятия. Я знал, что он здесь, и что в любой момент могу призвать его обратно.

Я поднялся на ноги, хоть и не с первой попытки. Тело, измученное падением, пребыванием в ледяной воде и долгим забвением, отказывалось слушаться. Колени подгибались, спина ныла, голова кружилась от резкой смены положения. Я пошатнулся, взмахнул руками, удерживая равновесие, и всё-таки выпрямился, утвердившись на дрожащих ногах. Живой. Стою. Уже неплохо.

Теперь следовало оценить масштаб бедствия.

Я осмотрел себя с головы до пят, и картина вырисовывалась безрадостная. Доспехи отсутствовали. Полностью. Ни нагрудника, ни наплечников, ни наручей, ни поножей. Только рубаха — некогда добротная, из плотной ткани, а теперь превратившаяся в рваные лохмотья, едва прикрывающие торс. Штаны, местами прожжённые, местами располосованные, но всё ещё выполняющие свою основную функцию. Обувь — кожаные сапоги, чудом удержавшиеся на ногах, хотя правый хлюпал водой при каждом шаге. Как я умудрился лишиться брони в процессе падения в реку — загадка, на размышление о которой не имелось ни времени, ни желания. Факт оставался фактом: я стоял посреди опаснейшего подземелья, населённого хищными тварями и древними проклятиями, без единого элемента защиты, если не считать исцелённых рук и невидимого клинка.

Рёв раздался внезапно. Низкий, утробный, вибрирующий где-то на самой границе слышимости, он прокатился под сводами пещеры, отразился от каменных стен и достиг моих ушей многократно усиленным. Хищный зверь. Крупный. Очень крупный. Судя по глубине звука — размером с добрую повозку, а то и больше. Сердце подпрыгнуло в груди, ударилось о рёбра и забилося в ускоренном ритме, разгоняя по жилам адреналин. Я завертел головой, панически обшаривая взглядом окрестности — грибной лес, каменные колонны, светящиеся лианы, серебристую гладь реки. Никого. Пусто. Только тени, колеблющиеся в такт мерцанию мхов, и стрекот невидимых насекомых.

Рёв повторился — на этот раз дальше, приглушённое. Зверь уходил. Или делал вид, что уходит. В любом случае, оставаться на открытом берегу означало искушать судьбу с упорством, достойным лучшего применения.

Нужно уходить отсюда. И как можно скорее.

Я ещё раз оглядел себя, мысленно прикидывая шансы. Без доспехов. Без провизии. Без карты. Без малейшего представления о том, куда меня занесло течением. Оружие, способное развеивать проклятья и исцелять раны — хорошо, но против клыков и когтей хищного зверя, чей рёв заставляет кровь стынуть в жилах, Lumigael может оказаться бесполезен. Требовалось найти укрытие чтобы хоть как-то прийти в себя. Любое. Хоть какую-то щель в камнях, хоть дупло в исполинском грибе, хоть нору, оставленную прежними обитателями. Всё, что угодно, лишь бы не торчать посреди берега, освещённого светящимися мхами, представляя собою идеальную мишень для всего, что ползает, летает и рыщет в этом проклятом подземном царстве.

Рёв донёсся снова, но на этот раз я едва удостоил его вниманием. Звук сделался тише, приглушённое и доносился откуда-то издалека, из глубины грибного леса, где исполинские стволы скрывали подробности подземной жизни. Хищники кем-то лакомились — эта мысль промелькнула в голове и ушла, не оставив следа. В конце концов, я находился в Нок'Тариме, диком и безжалостном краю, где смерть являлась такой же обыденностью, как дыхание. И это судя по рассказам Иллиарис. Кто-то убивал, кто-то умирал, кто-то пожирал останки. Вечный круговорот, не нуждающийся в моём сочувствии или вмешательстве.

Гораздо сильнее меня занимала жажда. Она скручивала горло сухой, царапающей петлёй, заставляла язык прилипать к нёбу, а губы трескаться при малейшем движении. Я нахлебался воды в реке, это правда — чёрной, маслянистой, отдающей железом и древней магией. Но та влага казалась чужеродной, противоестественной, она не утоляла жажду, а лишь усиливала её, оставляя во рту мерзкий привкус разложения. Иное дело — поток, текущий сейчас передо мной. Прозрачный. Чистый на вид. Манящий серебристыми искрами, пляшущими в свете подземных мхов.

Я приблизился к кромке воды, опустил на корточки и ещё раз взглянул на свои руки. Ладони, только что представлявшие собою кровавое месиво с торчащими костями, выглядели совершенно обыкновенно. Кожа гладкая, чистая, без единого шрама. А на них были шрамы, заработанные в своём ремесле. Даже не привычно... Пальцы сгибались и разгибались, повинувшись малейшему мысленному приказу. Lumigael поработал на совесть — ни следа от ран, полу-

ченных в чёрной пучине. Убедившись, что исцеление не являлось иллюзией или предсмертным бредом, я зачерпнул воду сложенными лодочкой ладонями и поднёс ко рту.

Первый глоток пролился в пересохшее горло живительным бальзамом. Холодная, чистая, лишённая какого-либо привкуса влага разлилась по телу, прогоняя остатки липкого ужаса, поселившегося внутри после падения в чёрные воды. Я пил жадно, торопливо, захлёбываясь и проливая воду на грудь, на рваную рубаху, на каменистый берег. Капли стекали по подбородку, срывались вниз, разбивались о камни крошечными фонтанчиками. Я пил до тех пор, пока желудок не наполнился до отказа, пока жажда не отступила, признав поражение, пока дыхание не выровнялось, сделавшись глубоким и размеренным.

Напившись, я выпрямился и обтёр губы тыльной стороной ладони. Теперь следовало решить, куда двигаться дальше. Вариантов имелось немного. Можно углубиться в грибной лес, надеясь отыскать укрытие или следы разумной жизни. Можно остаться на берегу, дожидаясь неизвестно чего. А можно пойти вдоль реки. Против течения. Туда, откуда меня принесло. В надежде, что этот путь выведет обратно — к месту сражения.

Я выбрал последнее. Решение оформилось в голове быстро, без долгих раздумий. Если существовал хотя бы призрачный шанс отыскать своих, я обязан был им воспользоваться. Лоринтар не бросил бы меня. Иллиарис... что ж, Иллиарис, возможно, и бросила бы, руководствуясь какими-то своими, ведомыми лишь высшим магам соображениями, но проверять это на практике не хотелось.

Я развернулся и зашагал вдоль берега, против течения. Вода искрилась справа, отражая свет мхов, растущих на сводах пещеры. Камни под ногами хрустели, крошились, норавли подворачивались при каждом неосторожном шаге. Грибной лес надвигался слева — исполинские ножки, покрытые светящимся лишайником, образовывали причудливую колоннаду, уходящую вдаль насколько хватало глаз. Воздух оставался влажным, густым, пропитанным запахами грибницы, цветущих лиан и далёкого дыма — последнее обстоятельство я отметил краем сознания, но не придал значения. Мало ли что горело в этом проклятом подземелье.

Я успел сделать не больше дюжины шагов. Кусты справа, что росли у самой кромки воды — густые, покрытые крупными листьями и унизанные светящимися ягодами, — взорвались движением. Нечто вырвалось из зарослей одним стремительным, смазанным прыжком, пронеслось над водой и приземлилось на камни в паре десятков шагов впереди, преграждая мне путь. Я замер, сердце пропустило удар, а затем забило в утроенном ритме, разгоняя по жилам ледяной огонь адреналина.

Существо походило на ягуара — но лишь в той мере, в какой ночной кошмар походит на реальность. Крупное, поджарое тело, покрытое короткой тёмной шерстью, бугрилось мышцами, перекатывавшимися под кожей при каждом движении. Четыре мощные лапы оканчивались когтями, оставлявшими глубокие борозды на камнях. Голова — широкая, приплюснутая, с горящими жёлтыми глазами без зрачков — смотрела прямо на меня, не мигая, оценивая, взвешивая, выбирая момент для броска.

А затем тварь зашипела. Звук вышел совершенно неожиданным — не кошачье шипение, к которому я был готов, а нечто совершенно иное. Шея существа раздулась, увеличившись вдвое, и чешуйки, покрывавшие её вместо шерсти, пришли в движение. Мелкие, переливающиеся в свете мхов роговые пластинки задвигались, задёргались, ударяясь друг о друга с частотой, недоступной глазу. Возникший при этом звук напоминал треск хвоста гремучей змеи, многократно усиленный и искажённый до полной неузнаваемости. Вибрирующее, сухое, сеющее панику дребезжание заполнило пространство между мной и тварью, давило на уши, заставляло внутренности сжиматься в инстинктивном ужасе.

Я напрягся. Тело среагировало раньше рассудка — мышцы подобрались, колени чуть согнулись, вес сместился на носки, готовя меня к прыжку в любую сторону. Правая рука по привычке метнулась к поясу, туда, где полагалось висеть мечу. Пальцы сомкнулись на пустоте.

— Проклятье!

Ругательство сорвалось с губ само, громкое и отчаянное, потонувшее в змеином треске, исходящем от раздутой шеи твари. Меча на поясе не было. Не было и самого пояса, если уж на то пошло. Вся амуниция осталась где-то там, в чёрной пучине, вместе с доспехами, провизией и прочим снаряжением, необходимым для выживания в подземельях. Я стоял перед хищником практически голый и безоружный, если не считать...

Зверь не стал дожидаться, пока я закончу ругаться. Он бросился вперёд — единым, слитным движением, смазанным до полной неразличимости деталей. Лапы оттолкнулись от камней, тело распрямилось пружиной, когтистая туша понеслась на меня, разевающая пасть, усеянную частокотом кривых зубов. Времени на размышления не оставалось. Времени на страх не оставалось тоже. Только инстинкты, вбитые годами тренировок и десятками схваток не на жизнь, а на смерть.

Я призвал Lumirael и сделал замах. Не было времени на точный расчёт, на выверенный удар, на изящный фехтовальный приём, которым гордился бы любой наставник из Нок'Мораэ. Я просто рубанул — широко, от плеча, вкладывая в движение всю массу тела, всю накопленную ярость, весь ужас пережитого падения в чёрную бездну. Lumirael рассёк воздух, оставляя за собой золотистый след, и встретился с летящей тушей.

Удар вышел смазанным. Лезвие не вошло в плоть, как должно было — не вспороло шкуру, не разрубило мышцы, не добралось до костей. Вместо чистого разреза получился толчок, мощный, сотрясший моё тело от запястья до плеча. Тварь, получившая клинком плашмя поперёк морды, отлетела в сторону, кувыркнулась в воздухе и приземлилась на все четыре лапы с кошачьей грацией, опровергающей законы физики. Когти проскрежетали по камням, оставляя белые борозды. Жёлтые глаза без зрачков уставились на меня с прежней, не угасшей ни на миг ненавистью.

Зверь зашипел снова. Шея раздулась, чешуйки на ней задвигались, забились в бешеном ритме, наполняя воздух сводящим с ума треском. Он не отступил. Не испугался. Не признал поражения. Он всего лишь перегруппировался, оценил новую угрозу и готовился к следующему броску.

Я встал в боевую стойку и приготовился к новой атаке.

Зверь не заставил себя ждать. Жёлтые глаза без зрачков впились в меня с первобытной, ничем не замутнённой яростью хищника, встретившего сопротивление там, где ожидал найти лёгкую добычу. Шея твари раздувалась и опадала в такт дыханию, чешуйки на ней вибрировали с ужасающей частотой, наполняя воздух сухим, потрескивающим дребезжанием, от которого сводило зубы и хотелось зажать уши. Но я не мог позволить себе такой роскоши. В бою слух значит не меньше зрения, а отвести взгляд от противника хотя бы на миг — верная смерть.

Он бросился снова.

На этот раз движение вышло ещё стремительнее — тварь учла мою реакцию и больше не летела по прямой, открываясь для удара. Она прыгнула вбок, оттолкнувшись от каменистой земли всеми четырьмя лапами одновременно, ударила о ствол исполинского гриба, росшего у самой кромки воды, и, оттолкнувшись от него, понеслась на меня под углом, заходя слева. Я развернулся, перенося вес на правую ногу и выставляя Lumirael перед собой, но хищник оказался проворнее. Тяжёлая туша врезалась в моё плечо, когти полоснули по рваной рубахе, оставляя горящие огнём борозды на коже. Меня отбросило в сторону, я покачнулся, едва не рухнув на камни, и лишь чудом удержался на ногах, в последний момент выставив руку и оперевшись о замшелую колонну сталагмита.

Тварь приземлилась в нескольких шагах и мгновенно развернулась, не давая мне ни секунды передышки. Из разорванного плеча текла кровь — горячая, липкая, пропитывающая остатки рубахи и стекающая по руке к локтю. Боль пульсировала тупым, нарастающим рит-

мом, но я отключил её, загнал в дальний угол сознания, как учили меня ещё в наёмничьем прошлом. Боль — это информация. Информация не должна мешать сражаться.

Я перехватил Lumirael обеими руками, поднимая клинок на уровень груди. Золотистое сияние лезвия отражалось в жёлтых глазах хищника, и на какой-то краткий миг мне показалось, что тварь колеблется. Возможно, она чувствовала магическую природу оружия. Возможно, древние инстинкты шептали ей, что свет, исходящий от клинка, несёт в себе нечто большее, чем простая сталь. Но голод и ярость перевесили. Шея раздулась сильнее прежнего, чешуйки забили в бешеном ритме, и зверь ринулся в атаку в третий раз.

Он побежал. Низко пригибаясь к земле, перебирая мощными лапами с такой скоростью, что они сливались в смазанное пятно. Когти высекали искры из камней, оставляя за тварью дорожку вспоротой земли. Я ждал, не двигаясь, позволяя хищнику приблизиться. Пять шагов. Четыре. Три. В последний момент, когда разверстая пасть уже должна была сомкнуться на моём бедре, я ушёл в сторону — резко, всем телом, пропуская тушу мимо себя. Lumirael описал короткую дугу и полоснул по боку зверя, туда, где шерсть казалась тоньше, а рёбра проступали под кожей.

Удар достиг цели. Лезвие вспоролось плоть, и тварь взвизгнула — высоко и пронзительно, совершенно не соответствующим её размерам голосом. Из раны хлынула тёмная, почти чёрная кровь, заливая камни и смешиваясь с водой, плещущей у берега. Хищник пролетел по инерции ещё несколько шагов, споткнулся, проехался боком по земле и замер, тяжело дыша и подвывая.

Я не стал дожидаться, пока он оправится. Бросился вперёд, сокращая расстояние, занося клинок для добивающего удара. Но тварь оказалась живучей сверх всякой меры. Она вскочила на лапы прежде, чем я успел приблизиться, и встретила меня ударом когтистой лапы — быстрым, размашистым, целящим в голову. Я пригнулся, пропуская смертоносные когти над самой макушкой, и ткнул Lumirael вперёд, метя в грудь зверя. Лезвие скользнуло по рёбрам, не войдя глубоко, но оставив ещё один кровотокающий порез.

Хищник отпрыгнул, увеличивая дистанцию. Мы закружили по берегу — человек и зверь, каждый выжидая момент для решающей атаки. Его жёлтые глаза следили за мной с неослабевающей злобой, но теперь в них появилось нечто новое. Осторожность. Он понял, что добыча умеет огрызаться, и это знание заставляло его действовать осмотрительнее.

Я воспользовался паузой, чтобы перевести дыхание и оценить собственное состояние. Плечо саднило, но двигалось свободно — когти не задели сухожилий. Кровь продолжала сочиться, пропитывая рубаху и стекая к запястью, однако потеря оставалась терпимой. Ноги держали твёрдо. Руки сжимали рукоять Lumirael без дрожи. Я был готов продолжать.

Тварь сделала ложный выпад — дёрнулась вперёд, имитируя атаку, и тут же отскочила, проверяя мою реакцию. Я не повёлся, сохраняя боевую стойку и не тратя силы на бесполезные движения. Тогда хищник сменил тактику. Он принялся обходить меня по дуге, медленно, крадучись, припадая к земле и не сводя с меня немигающего взгляда. Я поворачивался вместе с ним, не позволяя зайти со спины. Камни хрустели под ногами. Вода плескалась о берег. Свет мхов мерцал на сводах пещеры, равнодушный к разыгрывающейся внизу драме.

Внезапно зверь прыгнул в сторону, на исполинский гриб, росший слева. Когти вонзились в мягкую плоть грибной ножки, и тварь, оттолкнувшись, взмыла в воздух, обрушиваясь на меня сверху. Я вскинул Lumirael, пытаясь встретить её на лету, но вес хищника оказался слишком велик. Он обрушился на меня всей массой, сбивая с ног, вдавливая спиной в каменистую землю. Когти впились в грудь, раздирая остатки рубахи и оставляя глубокие борозды на коже. Челюсти сомкнулись на моём левом предплечье, которое я успел подставить, защищая горло.

Боль взорвалась ослепительной вспышкой. Зубы твари прокусили плоть до кости, и я закричал — громко, яростно, изливая в этом крике всю накопленную боль, страх и отчаяние. Но даже сквозь пелену страдания рассудок продолжал работать. Правая рука оставалась свободной, и в ней же был зажат Lumirael.

Я ударил. Клинок вошёл в бок хищника — глубоко, по самую рукоять. Тварь взвыла, разжала челюсти, отпрянула, но я не отпустил. Я провернул лезвие в ране, расширяя её, заставляя чёрную кровь хлестать потоком, заливая моё лицо, грудь, камни вокруг. Зверь забился в агонии, пытаясь вырваться, но я держал крепко, вгоняя клинок всё глубже, пока он не упёрся во что-то твёрдое внутри.

Хищник обмяк. Тяжёлая туша навалилась на меня всем весом, придавливая к земле, выбивая остатки воздуха из лёгких. Чешуйки на шее задрожали в последний раз и затихли. Жёлтые глаза потухли, уставившись в вечную темноту подземных сводов. Я лежал под мёртвым зверем, тяжело дыша и чувствуя, как его кровь, ещё тёплая, пропитывает мою одежду, смешиваясь с моей собственной.

Несколько долгих мгновений я не двигался, собираясь с силами. Тело ныло от десятков ушибов и порезов. Левое предплечье горело огнём там, где зубы твари прокусили плоть. Грудь саднила от когтей. Но я был жив.

Я упёрся ладонями в мохнатую тушу и столкнул её с себя. Мёртвый хищник перевалился на бок, глухо ударившись о камни. Я сел, морщась от боли, и осмотрел раны. Левую руку покрывали рваные отметины зубов — глубокие, кровоточащие, но кость, кажется, осталась цела. Грудь пересекали четыре длинные борозды от когтей, сочащиеся кровью. Плечо, пострадавшее первым, пульсировало тупой болью. В целом — повезло. Могло быть гораздо хуже. Могло не быть меня вовсе.

Я поднял Lumirael, всё ещё зажатый в правой руке. Золотистое сияние клинка потускнело, испачканное чёрной кровью твари, но даже сквозь эту грязь пробивалось тепло — целебное, которое я уже испытывал на себе. Я приложил лезвие к ране на предплечье, мысленно приказывая ему исцелить повреждения. Тёплая волна пробежала от клинка к плоти, запуская знакомый уже процесс восстановления. Сосуды, нервы, мышцы, кожа — всё возвращалось на свои места, срасталось, затягивалось, оставляя после себя лишь слабое покалывание и воспоминание о боли.

Я проделал то же самое с грудью, с плечом, с десятком мелких порезов и ссадин, покрывших тело после схватки. Lumirael работал безотказно, впитывая мою боль и возвращая мне силы.

Я стоял над мёртвой тушей, переводя дыхание и ощущая, как по венам разливается пьянящее чувство победы. Тело, только что израненное и измученное, вновь сделалось целым, здоровым, полным сил. Lumirael сотворил чудо, которому позавидовал бы любой храмовый целитель. Я поднял клинок перед собой, разглядывая золотистое сияние, струящееся по лезвию, очистившемуся от чёрной крови твари, и улыбнулся.

— Охренеть! Будь ты у меня раньше, от столько проблем избавил!

Слова прозвучали громче, чем следовало, отразились от каменных сводов и затерялись в стрекоте невидимых насекомых. Я представил, скольких шрамов на моём теле попросту не существовало бы, окажись эта реликвия в моих руках годами раньше. Скольких смертей удалось бы избежать. Скольких друзей, павших в бессмысленных стычках, можно было бы вытащить с того света одним прикосновением светоносного лезвия. Риан, хитрый лис, хранивший этот клинок на границе мёртвых, знал о его целительной силе? Знал и молчал? Или способность восстанавливать плоть проявилась только сейчас, в ответ на мою крайнюю нужду? Вопросы без ответов. Я тряхнул головой, отгоняя бесполезные размышления, и уже собрался двинуться дальше вдоль берега, когда подземный мир напомнил мне о главном правиле выживания в Нок'Тариме.

Радость здесь всегда недолгая.

Кусты у кромки воды взорвались движением. Три тени вырвались из зарослей одновременно, слаженно, как боевая группа, прошедшая не один десяток совместных охот. Они приземлились на камни в дюжине шагов от меня и мгновенно выстроились в линию, перегоражи-

вая путь к отступлению вдоль берега. Три пары жёлтых глаз без зрачков уставились на меня с одинаковым выражением голодной, первобытной злобы. Три тела, поджарых и мускулистых, припали к земле, готовые к броску. И три шеи раздулись почти синхронно, задвигали чешуйками, наполняя воздух сводящим с ума змеиным треском, многократно усиленным узким пространством между каменной стеной и грибным лесом.

Я выпучил глаза. В горле мгновенно пересохло, а сердце пропустило удар, прежде чем забиться в бешеном ритме, разгоняя по жилам ледяную волну адреналина. Один хищник едва не отправил меня на тот свет, и только чудо в лице Lumirael позволило выйти из схватки победителем. Трое? Против одного меня, без доспехов, без нормального оружия, если не считать светового клинка, требующего ближнего контакта? Это не бой. Это бойня.

— Вот чёрт! — вырвалось у меня, и на этот раз в голосе не было ни капли радости. Только мрачное осознание глубины той задницы, в которую я угодил.

Звери рванули с места. Все трое одновременно, рассыпаясь веером и беря меня в кольцо. Лапы высекали искры из камней, когти оставляли глубокие борозды, пасти разверзались, обнажая частоколы кривых зубов. Времени на размышления не оставалось. Требовалось действовать — быстро, решительно и без колебаний.

Lumirael исчез в серой дымке по мысленному приказу, не дожидаясь, пока я закончу формулировать команду. Руки освободились, и я рванул к реке. Не раздумывая, не оценивая глубину, не прикидывая скорость течения. Просто побежал, вкладывая в каждый шаг всю силу ног, всю ярость отчаяния, всё нежелание становиться обедом для подземных тварей. Камни летели из-под сапог.

Я прыгнул. Тело оторвалось от каменистого берега, на мгновение зависло в воздухе, раскинув руки и ноги, и рухнуло вниз, пробивая зеркальную гладь. Ледяная вода сомкнулась надо мной, приняла в свои объятия, потащила в глубину. В уши ударил гул — низкий, утробный, пронизывающий до костей. Перед глазами замелькали пузырьки воздуха, серебристые искры, смазанные очертания каменистого дна, уходящего куда-то вниз, в зеленоватый сумрак. Холод сковал тело, пробрался под рваную рубаху, стиснул грудь ледяным обручем, заставляя лёгкие сжиматься в попытке сохранить остатки тепла.

Течение подхватило меня мгновенно. Оно понесло меня вдоль русла прочь от трёх хищников, оставшихся на берегу. Я позволил воде нести себя, экономя силы и дожидаясь, пока лёгкие начнут требовать воздуха. Темнота подземной реки обступила со всех сторон, пронизанная лишь слабым свечением, исходящим откуда-то снизу — то ли мхи росли на дне, то ли какие-то подводные твари источали собственный свет.

Я вынырнул, хватая ртом воздух. Вода стекала с волос, заливала глаза, мешала видеть, но я всё равно разглядел берег, оставшийся позади. Три твари бежали вдоль кромки воды, не отставая. Их лапы мелькали с невероятной скоростью, тела стелились над землёй, жёлтые глаза горели в полумраке пещеры, не упуская меня из виду. Они не собирались отказываться от добычи. Река не являлась для них преградой — они знали эту местность, знали, где можно перехватить плывущего человека, где течение замедляется, где берег становится пологим и удобным для нападения.

Я прикинул расстояние до противоположного берега. Широко. Очень широко. Река здесь разливалась на добрых полсотни шагов, и течение, пусть не бурное, уверенно сносило меня вниз, не давая приблизиться к спасительной суше по прямой. Хищники слева не отставали, более того — один из них начал отрываться, вырываться вперёд, явно намереваясь перехватить меня там, где русло сужалось впереди.

Я рванул к противоположному берегу. Руки заработали с удвоенной силой, рассекая ледяную воду мощными гребками. Ноги били по воде, толкая тело вперёд и вправо, наискосок через течение. Мышцы горели огнём, лёгкие разрывались от нехватки кислорода, но я не сбав-

лял темпа. Каждый гребок приближал меня к спасению, каждый толчок ногами отдалял от голодной смерти, бегущей по левому берегу.

Тварь, вырвавшаяся вперёд, достигла узкого места первой. Она замерла у самой воды, припав к камням и глядя на меня немигающими жёлтыми глазами. Расстояние между нами сокращалось — течение неумолимо несло меня прямо к ней. Я видел, как раздувается её шея, как движутся чешуйки, как напрягаются мышцы под тёмной шерстью, готовясь к прыжку. Если она бросится в воду, если решится преодолеть разделяющие нас несколько шагов вплавь — мне конец. В воде я уязвим, медлителен, лишён возможности нормально защищаться.

Я рванул вправо ещё отчаяннее, вкладывая в движения остатки сил. Вода пенилась вокруг, брызги летели в лицо, мешая дышать и видеть. Берег приближался медленно, издевательски медленно, каждый фут давался с невероятным трудом. Мышцы сводило судорогой, ледяной холод проникал всё глубже, сковывая движения, лишая тело подвижности.

Хищник на берегу подобрался. Я видел, как его задние лапы напряглись, как когти впились в камни, как хвост хлестнул по воде, поднимая фонтан брызг. Он прыгнет. Сейчас. Ещё мгновение — и тяжёлая туша обрушится на меня сверху, утянет под воду, вонзит клыки в горло, и тогда уже никакой Lumigael не поможет.

Я вложил в последний гребок всё, что осталось. Тело вылетело из воды, пальцы вцепились в склизкие камни противоположного берега, и я пополз — отчаянно и судорожно, помогая себе коленями и локтями, выдирая себя из ледяной хватки течения. Вода нехотя отпускала, цеплялась за ноги, пыталась утянуть обратно, но я уже был на суше. Мокрый, дрожащий, обессиленный, но живой.

Позади раздался всплеск. Я обернулся, лёжа на камнях и тяжело дыша, и увидел, как хищник, не решившийся прыгнуть в воду, мечется по берегу, издавая разочарованное шипение. Двое других подоспели следом и присоединились к нему, образовав на противоположной стороне реки живую стену из жёлтых глаз и раздутых чешуйчатых шей. Они смотрели на меня, я смотрел на них. Река разделяла нас надёжнее любой крепостной стены.

Я перекатился на спину, раскинул руки и уставился в каменный свод, усеянный искусственными звёздами. Сердце колотилось о рёбра. Лёгкие горели. Мышцы дрожали от перенапряжения. Но я был жив.

Отдышавшись, я сел и осмотрелся. Противоположный берег реки мало отличался от того, с которого я прыгнул, — те же камни, тот же грибной лес, те же светящиеся лианы, свисающие с невидимого свода. Однако здесь имелось одно существенное преимущество: хищников не было. По крайней мере, пока. Я поднялся на ноги, и принялся отжимать воду из остатков рубахи.

Всплеск раздался внезапно, перекрыв даже монотонный шум реки. Я вскинул голову, и взгляд мгновенно прикипел к противоположному берегу. Один из зверей — самый крупный, с наиболее раздутой шеей и особенно злобным блеском в жёлтых глазах — прыгнул в воду. Не раздумывая, не колеблясь, в наглую, демонстрируя полное презрение к только что разыгравшейся сцене моего бегства. Тяжёлая туша ушла под воду, вынырнула, отфыркиваясь, и мощные лапы заработали, рассекая кристально чистую гладь и толкая зверя вперёд. Против течения. Ко мне.

Я смотрел на это, не веря собственным глазам. Река здесь была широка, течение — ощутимо, но тварь гребла с такой силой, что почти не сносила вниз. Она замерла на середине, борясь с потоком, мышцы перекачивались под мокрой шерстью буграми. Медленно, но верно хищник приближался. Каждый гребок сокращал разделявшее нас расстояние на фут, на два, неумолимо, как приближение неизбежного.

— Какие настырные, а, — пробормотал я, и в голосе моём не было страха. Только мрачное, усталое раздражение.

Я подошёл ближе к воде, ступая по скользким камням и чувствуя, как холодная влага вновь захлёстывает сапоги. Остановился у самой кромки, туда, где мелкие волны лизали берег, и вытянул правую руку вперёд, раскрывая ладонь в сторону плывущего зверя.

Шёпот сорвался с губ. Камни у моих ног задрожали, приподнялись над землёй, повисли в воздухе, окружённые слабым мерцанием. Пять штук. Крупных, с кулак размером, острых от природы, но недостаточно, чтобы нанести серьёзный урон толстой шкуре подземного хищника. Я прошептал второе заклинание — более сложное, требующее концентрации и точного контроля. Камни в воздухе задрожали сильнее, их края начали крошиться, стачиваться, приобретая хищную, игольчатую форму. Каменные шипы, способные пробить плоть и застрять в ней, причиняя мучительную боль при каждом движении.

Краем глаза я заметил движение на том берегу. Второй зверь прыгнул в воду. Его сородич к этому моменту уже преодолел половину реки и приближался с каждой секундой, рассекая прозрачную гладь мощными гребками. Времени на раздумья не оставалось. Я выбросил руку вперёд, посылая магический импульс, и каменные шипы сорвались с места.

Они полетели по прямой — пять смертоносных снарядов, рассекающих воздух с тихим свистом. Расстояние было небольшим, цель — крупной и неповоротливой в воде. Все пять шипов нашли свою цель, вонзившись в тушу зверя с влажным, чавкающим звуком. Два попали в плечо, один — в шею, чуть ниже раздутого чешуйчатого мешка, ещё два — в грудь, туда, где под толстой шкурой билось сердце. Хищник взвыл — высоко, пронзительно, совершенно не соответствующим своим размерам голосом, полным боли и предсмертной агонии. Вой прокатился под сводами пещеры, отразился от каменных стен, вспугнул стаю летучих мышей, сорвавшихся с невидимого потолка чёрным облаком. Тяжёлая туша ушла под воду, скрылась в зеленоватой глубине, и на кристально чистой глади расплылось тёмное пятно. Кровь. Густая, почти чёрная, она растекалась во все стороны, окрашивая реку и отмечая место гибели подземного хищника. Течение подхватило обмякшее тело и понесло его вниз, прочь от места схватки, туда, где река исчезала в тёмном провале туннеля.

Второй зверь, преодолевший едва ли треть расстояния, замер. Его жёлтые глаза, лишённые зрачков, уставились на расплывающееся пятно крови, на тушу сородича, уносимую течением, на меня, стоящего на берегу с вытянутой рукой. Страх — древний, первобытный, властный — отразился в этих глазах. Хищник развернулся. Мощные лапы заработали в обратном направлении, отчаянно, судорожно, толкая тело прочь от опасного берега, обратно к своим.

Я не собирался его отпускать.

Рука вновь взметнулась вверх, призывая новую порцию камней. На этот раз я действовал быстрее — заклинание подняло в воздух три обломка, второе превратило их в острые шипы, и я метнул их в убегающего зверя. Один снаряд прошёл мимо, вонзившись в воду в каком-то футах от головы твари и подняв фонтан брызг. Но остальные два достигли цели. Первый впился в заднюю лапу, заставив хищника взвизгнуть и сбиться с ритма. Второй угодил в бок, глубоко, пробив шкуру и войдя в плоть по самое основание. Зверь взвыл, задёргался, его движения сделались рваными, нескоординированными. Он ещё пытался грести, но силы стремительно покидали его. Тёмное пятно расплылось вокруг, и течение подхватило вторую тушу, унося её вслед за первой.

Третья тварь осталась на берегу. Одна.

Она металась по камням туда-сюда, как загнанный в клетку зверь — чем, собственно, и являлась. Шея раздувалась и опадала, чешуйки вибрировали, издавая знакомый змеиный треск, но теперь в этом звуке слышалась не угроза, а растерянность. Жёлтые глаза перебежали с меня на кровавые пятна, расплывающиеся по воде, на пустой берег, где только что стояли два её сородича. Древний инстинкт боролся в ней с голодом, и инстинкт побеждал. Она поняла — не разумом, а каким-то более древним, животным чутьём, — что плыть сюда не стоило. Что добыча на том берегу опасна. Что смерть сородичей не была случайностью.

Хищница замерла на мгновение, в последний раз взглянула на меня своими жёлтыми провалами и издала рёв. Низкий, утробный, полный бессильной ярости и обещания будущей встречи. Рёв прокатился над рекой, достиг моего берега, заставив мурашки пробежать по спине, несмотря на всю абсурдность ситуации — она угрожала мне, потерпевшей сокрушительное поражение. Затем тварь развернулась и помчалась прочь. Мощные лапы замелькали, унося её вглубь грибного леса, и вскоре она скрылась за исполинскими стволами, растворилась в полумраке подземелья, оставив после себя лишь затихающий треск чешуек да эхо последнего рёва.

Я выдохнул. Воздух вырвался из лёгких долгим, протяжным стоном, в котором смешались облегчение, усталость и остатки пережитого напряжения. Упёрся ладонями в колени, сгибаясь пополам, и замер так на несколько долгих мгновений, просто дыша и слушая, как колотится сердце. Мышцы дрожали, ноги подкашивались, перед глазами плыли тёмные круги — магия, даже такая простая, вытягивала силы, а я и без того был измотан до предела.

Отдышавшись, я вытер влагу со лба тыльной стороной ладони. Пот смешивался с речной водой, стекал по вискам, капал на камни. Я выпрямился, расправляя затёкшую спину, и ещё раз осмотрел реку. Два тёмных пятна медленно расплывались в прозрачной воде, уносимые течением прочь. Третий хищник исчез, и я очень надеялся, что он не вернётся с подкреплением.

Рёв донёсся снова — далёкий, утробный, прокатившийся под каменными сводами и затихший где-то в глубине грибного леса. Я замер, прислушиваясь, и мысленно выругался. Это место полно тварями. Настоящий рассадник голодных пастей, когтей и прочих прелестей подземной жизни, мечтающих превратить одинокого путника в горячий ужин. После схватки с теми чешуйчатыми хищниками я не питал иллюзий насчёт местной фауны — здесь выживали только самые злобные, самые быстрые и самые голодные.

Желудок скрутило знакомой, требовательной болью, и я прижал ладонь к животу, морщась от неприятного ощущения. Пустота внутри напомнила о себе с особой настойчивостью, заставив поморщиться и мысленно перебрать варианты. Последний раз я ел ещё до спуска. Сколько времени прошло с тех пор? Часы? День? Два? В подземелье, лишённом смены дня и ночи, время текло иначе — вязко и незаметно, оставляя лишь смутные догадки и нарастающую слабость в мышцах.

Съешь сам или съедят тебя. Старое правило природы...

Не люблю я такие места. Очередной раз убеждаюсь, что лучше цивилизации нет ничего. Города, крепости, деревни — пусть там свои опасности, пусть люди порой хуже зверей, но хотя бы понятно, чего ожидать. Стены защищают. Крыша над головой спасает от непогоды. Еду можно купить или украсть, а не выслеживать часами, рискуя самому стать добычей. Хотя, кто его знает. Погулять на природе тоже лишним не будет.

Я хмыкнул собственным мыслям и покачал головой. Наёмник, скучающий по цивилизации — забавное зрелище. Всю жизнь я провёл в дороге, меняя города и крепости, как перчатки, ночуя под открытым небом и питаясь тем, что удалось добыть. И вот теперь, оказавшись в самом сердце дикой природы, пусть и подземной, я мечтал о каменных стенах и крыше над головой. Привычка — страшная сила.

Решение напрашивалось само собой. Я двинулся вглубь грибного леса, удаляясь от берега ровно настолько, чтобы заросли скрывали моё передвижение, но при этом не теряя из виду серебристую гладь реки. Шум воды послужит ориентиром — монотонный, неизменный, пробивающийся даже сквозь стрекот насекомых и шорох невидимых лап. Идти по звуку. Держаться тени. Не высовываться без крайней необходимости.

А заодно, может, и зверя какого поймаю.

Мысль о еде заставила желудок снова сжаться в болезненной спазме. Охота в незнакомом месте, полном хищников, каждый из которых крупнее и опаснее тебя — занятие сомнительное. Но выбирать не приходилось. Голод — плохой советчик, но ещё худший спутник в долгом

пути. Без сил я не пройду и половины расстояния до цели, слягу где-нибудь под грибом и стану лёгкой добычей. Уж лучше рискнуть и попытаться поймать что-нибудь съедобное, пока организм ещё способен двигаться.

Я шагнул в сторону от берега, углубляясь в грибной лес. Исполинские ножки вздымались вокруг, образуя причудливый лабиринт, полный теней и неожиданных просветов. Светящиеся лианы свисали с невидимого потолка, колыхались в такт дыханию пещеры, источая мягкое зеленоватое сияние. Под ногами хрустела грибница — упругая, пружинящая, покрытая мелкими спорами, вспыхивающими при каждом шаге бледными искрами. Воздух сделался гуще, насыщеннее, пропитался запахами влажной земли, гниющей органики и чего-то цветущего, приторно-сладкого, отдающего дурманом.

Я двигался осторожно, перетекая от одного укрытия к другому, стараясь не шуметь и не привлекать внимания. Глаза обшаривали пространство впереди — каждый ствол, каждый камень, каждое подозрительное шевеление в зарослях. Уши ловили малейшие звуки, отсеивая привычный шум подземелья и выискивая то, чему здесь быть не полагалось. Река шумела справа — монотонно, успокаивающе, обещая, что я не сойбюсь с пути.

Заросли становились гуще с каждым десятком шагов. Грибные ножки теснились друг к другу, их шляпки, светящиеся бледной зеленью, смыкались где-то высоко над головой, создавая подобие крыши, сквозь которую пробивались лишь редкие лучи искусственного света. Лианы, унизанные гроздьями светящихся ягод, свисали отовсюду, цеплялись за плечи, за волосы, за остатки рубахи, заставляя то и дело останавливаться и высвободиться из их цепких объятий. Под ногами хлюпала влажная грибница, пружинила, проминалась, оставляя после себя неглубокие следы, которые почти сразу же заполнялись мутной жидкостью. Идти приходилось медленно, раздвигая заросли руками и стараясь не производить лишнего шума.

В какой-то момент стволы расступились, и я едва не споткнулся о каменную кладку, выступающую из земли. Замер. Присел на корточки, всматриваясь. Это был фундамент — древний, замшелый, но несомненно рукотворный. Камни подогнаны друг к другу с той тщательностью, что свойственна лишь тёмным эльфам, привыкшим возводить крепости на века. Чуть дальше, за густой порослью грибов, угадывались очертания стены — полуразрушенной, оплетённой светящимися лианами, но всё ещё хранящей следы былого величия. Оконный проём зиял пустотой, дверной — обвалился, завален обломками. Я провёл ладонью по холодному камню, ощущая под пальцами едва заметные бороздки — остатки резьбы или магических знаков, стёртых временем.

Я двинулся дальше, огибая остатки строений и стараясь не терять из виду реку, чей плеск доносился справа. Мысли о еде вернулись с новой силой, заставляя желудок сжиматься в болезненных спазмах, а взгляд — выискивать среди окружающей растительности хоть что-то съедобное. И вскоре я заметил плоды.

Они росли на невысоких корявых кустах, ютящихся у подножия исполинского гриба. Крупные, размером с хорошее яблоко, покрытые гладкой оранжево-красной кожицей, отливающей в полумраке влажным блеском. Формой напоминали слегка приплюснутый шар, увенчанный пучком мелких тёмных листочков. Я никогда не видел ничего подобного. Ни в подземных садах Айр'Калета, ни на рынках Нок'Мораэ. Плоды источали слабый, едва уловимый аромат — сладковатый, с кислинкой, пробуждающий слюну и заставляющий голод впиваться когтями в пустой желудок.

Я замер в нерешительности. Правило выживания, вбитое годами странствий по диким землям, звучало просто и безжалостно: не знаешь — не ешь. Ядовитый плод может убить быстрее голода. С другой стороны, умирать с полным желудком всяко приятнее, чем с пустым. Я уже протянул руку, чтобы сорвать один, проверить на срез, понюхать мякоть, но вовремя отдернул пальцы. Слишком много «не знаю». Слишком велик риск.

Минуто я стоял в раздумьях, переводя взгляд с манящих плодов на тёмные проходы между грибами, откуда в любой момент могла появиться опасность. Голод нашептывал сорвать и съесть. Рассудок требовал осторожности. Я колебался, и неизвестно, чем бы закончилось это противостояние, если бы не вмешательство извне.

С шелестом рассекаемого воздуха сверху спикировала птица.

Она возникла из полумрака бесшумной тенью и приземлилась на ветку куста, заставив меня вздрогнуть и отступить на шаг. Размером с крупного ворона, но совершенно иного облика. Оперение — тёмное, переливающееся в свете мхов фиолетовыми и синими отблесками. Клюв — длинный, узкий, загнутый на конце, явно приспособленный для извлечения мякоти из плотной кожуры. Глаза — крупные, золотистые, с вертикальными зрачками, придающими птице хищное, почти змеиное выражение. Она покосилась на меня с явным пренебрежением, дернула головой и принялась деловито надкусывать ближайший плод.

Клюв легко пробил кожицу. Птица запустила его глубже, извлекла кусок оранжевой мякоти и проглотила, издав довольное клекотание. Затем ещё один кусок. И ещё. Я смотрел на это, не дыша, ожидая, что пернатое создание вот-вот завалится на бок в предсмертных судорогах. Но птица продолжала трапезу с аппетитом существа, которое проделывало это сотни раз и оставалось живо.

Вот он. Знак.

Я рванул к кусту. Птица, недовольная вторжением, вспорхнула и уселась на ветку повыше, провожая меня возмущённым клекотом. Я уже не обращал на неё внимания. Пальцы сомкнулись на гладкой кожице, сорвали плод, поднесли ко рту. Зубы прокусили оболочку, и рот наполнился сладким, тягучим соком, отдалённо напоминающим хурму. Мякоть оказалась нежной, волокнистой, она вязла на зубах и нёбе, заставляя с усилием отдирать язык, но вкус — вкус был восхитительным. Сладость разливалась по горлу, прогоняя горечь голода, наполняя тело теплом и давно забытым ощущением сытости.

Я ел жадно, торопливо, давась и захлёбываясь соком. Один плод. Второй. Третий. Оранжевая жидкость стекала по подбородку, капала на остатки рубахи, пачкала пальцы. Я не замечал этого. Мир сузился до размеров куста с манящими плодами и блаженного чувства, разливающегося по телу с каждым проглоченным куском. Птица сверху что-то возмущённо клекотала, но мне было всё равно.

Насытившись, я оторвался от куста и перевёл дыхание. Желудок, только что требовавший пищи, теперь приятно отяжелел, даря ощущение покоя и умиротворения. Я обтёр губы рукавом, собрал несколько плодов про запас — сколько поместилось за пазуху — и двинулся дальше, провожаемый негодующим взглядом пернатого хищника.

Я успел сделать не больше десятка шагов от куста с оранжевыми плодами, когда над головой раздался звук — мощный, рассекающий воздух удар, с которым крылья исполинского размера опускаются и поднимаются, толкая вперёд тело, весящее больше трёх взрослых мужчин. Шум нарастал стремительно, заполняя пространство, отражаясь от каменных сводов и грибных стволов. Я начал оборачиваться, мышцы дёрнулись, пытаюсь увести тело в сторону, но опоздал.

Тяжёлый удар обрушился на спину, вминая меня в землю. Я рухнул плашмя на живот, впечатавшись лицом во влажную грибницу, и в тот же миг почувствовал, как фрукты за пазухой превращаются в липкое месиво. Оранжевый сок пропитал остатки рубахи, потёк по груди и животу, смешиваясь с грязью и потом. Рёбра заныли от удара о камни, скрытые под мягким слоем растительности, дыхание перехватило, перед глазами поплыли тёмные круги.

Я не стал разлёживаться и выяснять, что произошло. Тело сработало на инстинктах, вбитых годами боёв и засад. Перекат в сторону, рывок на ноги, рука тянется призвать Lumirael — и замирает на полпути, потому что я увидел...

Впереди, в каких-то пяти-шести шагах от меня, приземлилось существо. Крупное. Нет, не так — огромное. Возвышаясь на четырёх мощных лапах, и, если бы оно встало на задние, то достигло бы высоты с осадную башню, а размах крыльев, которые сейчас складывались вдоль тела, составлял шагов десять, не меньше. Но не размер заставил меня замереть с приоткрытым ртом, забыв о клинке и об опасности.

Оперение.

Оно переливалось бирюзовым цветом — глубоким, насыщенным, меняющим оттенки от небесно-голубого до тёмно-зелёного, как морская гладь под лучами солнца. Кончики перьев оканчивались белоснежными пушинками, напоминавшими пену на гребне волны, и от этого всё оперение казалось живым, текучим и подвижным. Перья шли волнами через всё тело — от мощной груди до длинного хвоста, повторяя ритм океанского прибоя, застывшего в невероятной, завораживающей красоте. Хвост тянулся позади гибкой лентой, как у попугая, но многократно увеличенный, и каждое перо в нём двигалось отдельно, колыхалось в такт неосязаемому дыханию пещеры. Крылья — широкие, с размахом, способным накрыть целую повозку — покоились вдоль боков, и оперение на них искрилось в свете мхов, создавая иллюзию, что передо мной не живое существо, а произведение искусства, сошедшее с полотна безумного художника.

Голова существа принадлежала сове. Огромной, невероятной сове с лицевым диском из более светлых перьев, обрамляющих глаза — круглые, золотистые, с чёрными зрачками, глядящими на мир с древним, непостижимым знанием. Клюв — загнутый, хищный, покрытый мелкими зубринами по краю — сейчас был погружён в тушу нетопыря, которую тварь прижимала к земле когтистой лапой.

Нетопырь ещё жил.

Огромная летучая мышь, размерами не уступавшая тем чешуйчатым ягуарам, что гнались за мной у реки, билась в агонии, издавая пронзительный, режущий слух визг. Кожистые крылья трепыхались, пытаясь высвободиться, когти на лапах скребли по камням, оставляя белые борозды, пасть, усеянная мелкими игольчатыми зубами, раскрывалась в беззвучном крике. Но пернатый хищник не обращал на сопротивление никакого внимания. Клюв погружался в плоть, отрывая длинные полосы мяса, которые существо заглатывало резкими, дёргаными движениями головы. Кровь летела во все стороны, заливая бирюзовые перья, пачкая белоснежные кончики алыми брызгами. Визг нетопыря становился всё тише, слабее, переходя в булькающий хрип, пока наконец не оборвался. Кожистые крылья обмякли, раскинувшись по земле безжизненными лоскутами.

Я стоял, не дыша, боясь пошевелиться. Сердце колотилось в груди с такой силой, что, казалось, его стук разносится по всей пещере, привлекая внимание хищника. Мышцы напряглись до предела, готовые в любой момент бросить тело в сторону, в укрытие, куда угодно, лишь бы подальше от этого кошмарного создания. Но рассудок, холодный и цепкий, нашёптывал другое: не двигайся. Замри. Не привлекай внимания. Эта тварь только что с лёгкостью поймала и убила существо размером с доброго телёнка. Со мной она справится быстрее, чем я успею призвать Lumirael.

Гигантская Сова — другого названия у меня не находилось — продолжала трапезу, не замечая меня или не считая достойной угрозой. Клюв рвал плоть, перья на груди пропитывались кровью, золотистые глаза равнодушно смотрели в одну точку, пока челюсти делали своё дело. Я медленно, очень медленно, перенёс вес на правую ногу, готовясь к отступлению. Грибница под сапогом предательски хлопнула. Существо дёрнуло головой, и золотистые глаза уставились прямо на меня.

Время остановилось. Я смотрел в эти бездонные зрачки, видел в них отражение собственной фигуры — жалкой, перепачканной оранжевым соком и грязью, замершей посреди подземного леса. Клюв приоткрылся, и из глубины глотки вырвался низкий, kloкочущий звук

— не угрожающий, скорее вопросительный. Оценивающий. Тварь решала, представляю ли я интерес в качестве следующего блюда или мелкая добыча не стоит усилий.

Существо закончило терзать тушу нетопыря. Клюв извлёк последний кусок плоти, и пернатый хищник, потеряв к добыче всякий интерес, отшвырнул её когтистой лапой в сторону. Останки летучей мыши пролетели несколько шагов и врезались в ствол исполинского гриба, оставив на светящейся коре тёмный кровавый след. Золотистые глаза уставились на меня, и в их глубине я прочитал сытость. Удовлетворение от завершённой охоты. Но взгляд оставался цепким, изучающим, оценивающим странное двуногое существо, посмевшее находиться на его территории.

Тварь двинулась. Пошла плавным, крадущимся шагом, обходя меня по дуге. Когтистые лапы ступали по грибнице мягко, почти бесшумно, длинный хвост волочился следом, оставляя в грязи извилистую борозду. Голова склонялась то влево, то вправо, лицевой диск из светлых перьев поворачивался под неестественными углами, ловя каждое моё микродвижение. Океанское оперение переливалось бирюзовыми волнами, белые кончики перьев мерцали в полумраке, и от этого жуткая процессия приобретала оттенок какого-то нереального, гипнотического танца. Я стоял, не в силах отвести взгляд, замороженный этой смертоносной красотой, и чувствовал, как холодный пот стекает по спине между лопаток.

Она завершила полукруг и остановилась. Расстояние между нами сократилось до жалких пяти шагов — один прыжок для существа таких размеров. Я видел каждую деталь: зазубрины на клюве, всё ещё влажные от крови нетопыря, золотистые крапинки в глубине огромных глаз, подрагивание перьев на груди в такт дыханию. А затем тварь взвыла. Резко вскинулась вверх, оттолкнувшись передними лапами, и встала на задние, возвышаясь надо мной подобно башне. Крылья распахнулись во всю ширь, заслоняя свет мхов, отбрасывая на землю огромную колышущуюся тень. Вой вырвался из глотки — низкий, вибрирующий, пробирающий до костей, многократно усиленный каменными сводами пещеры. Перья на груди вздыбились, хвост хлестнул по воздуху с громким хлопком.

Я призвал Lumirael. Серая дымка сгустилась в ладони, обрела форму клинка, и золотистое сияние разлилось вокруг, озаряя пространство между мной и пернатым чудовищем. Рукоять легла в пальцы привычной тяжестью, даря иллюзию контроля над ситуацией. Я стиснул зубы до скрежета, чувствуя, как желваки напрягаются на скулах, и процедил сквозь зубы:

— Да что ж мне так не везёт!

Тварь ответила на появление светящегося клинка новым воем — более высоким, пронзительным, полным ярости и возбуждения. Она узнала магию. Почуяла её. И это привело хищника в неопишуемый восторг. Крылья ударили по воздуху, поднимая ветер, заставивший меня пошатнуться и прикрыть лицо свободной рукой. Мелкие камни и споры грибов полетели в стороны, лианы закачались, светящиеся ягоды посыпались с них дождём.

Я не стал дожидаться, пока она обрушится на меня сверху всей массой. Свободная рука взметнулась вперёд, пальцы сложились в знакомый жест, и с губ сорвалось резкое, каркающее слово. Камни у моих ног задрожали, приподнялись в воздух — пять, семь, десять штук, от мелкой гальки до булыжников размером с кулак. Второе слово сточило их края в острые шипы. Третье отправило смертоносный рой вперёд, целя в грудь и голову пернатой твари.

Шипы ударили в цель. Часть отскочила от плотного оперения, не причинив вреда, но несколько вонзились глубоко, пробив слой перьев и войдя в плоть под ними. Тварь взвизгнула — пронзительно, обиженно, совершенно не соответствующим её размерам голосом, — и мотнула головой, стряхивая каменные осколки. Из ран на груди засочилась тёмная кровь, пачкая бирюзовые перья. Золотистые глаза вспыхнули яростью. Она бросилась вперёд.

Я отпрыгнул в сторону, перекатываясь по грибнице и чувствуя, как липкий оранжевый сок раздавленных плодов смешивается с грязью на груди. Когтистая лапа ударила в то место, где я только что стоял, вспоров землю и оставив глубокие борозды. Тварь оказалась быстрее,

чем можно было ожидать от существа таких размеров. Она развернулась мгновенно, хвост хлестнул по воздуху, и мне пришлось пригнуться, пропуская смертоносный удар над головой. Ветер от пролетевшего хвоста взъерошил волосы.

Я выбросил руку вперёд, выкрикивая новое заклинание. На этот раз из ладони вырвался язык пламени — достаточно жаркий, чтобы заставить тварь отшатнуться и прикрыть морду крылом. Огонь лизнул бирюзовые перья, оставляя на них чёрные подпалины, запахло палёным. Хищница заверещала, отступая на шаг и трясая головой, но уже через мгновение оправилась и двинулась на меня снова, пригибаясь к земле и выставив клюв вперёд, как таран.

Я понимал: в прямом столкновении мне не выстоять. Она больше, сильнее и быстрее. Один удачный удар когтистой лапы — и мои внутренности украсят грибницу. Одно смыкание клюва — и от головы останутся воспоминания. Единственный шанс — держать дистанцию и использовать то, чего у неё нет. Магию и скорость. Относительную скорость маленького тела против огромной туши.

Корни. Я ударил ладонью по земле, вкладывая в жест остатки магических сил. Грибница под ногами твари зашевелилась, вспучилась, и из неё вырвались толстые, извивающиеся отростки — не настоящие корни деревьев, а нечто среднее между ними и щупальцами подземных растений. Они обвили задние лапы хищницы, сжались, фиксируя её на месте. Тварь дёрнулась, попыталась сделать шаг, но корни держали крепко, впиваясь в чешуйчатую кожу между пальцев. Она забила крыльями, пытаясь взлететь, но пути не пускали, тянули обратно к земле.

Я использовал передышку, чтобы перевести дыхание и оценить обстановку. Тварь рвалась из ловушки, и я знал: надолго её не удержать. Корни уже трещали под напором чудовищной силы. Нужно было что-то ещё. Что-то, что даст мне время уйти или переломить ход схватки.

Я вскинул Lumirael, провёл лезвием по собственной ладони — неглубоко, но достаточно, чтобы выступила кровь. Алая капля сорвалась вниз, упала на грибницу, и я почувствовал, как невидимая нить протянулась от меня к бьющемуся в ловушке хищнику. Её кровь — горячая, бурлящая яростью и первобытной силой — отозвалась, запульсировала в такт моему сердцу. Я сжал кулак, и тварь вздрогнула, захрипела, забилась в конвульсиях. На мгновение её движения замедлились, крылья опали, золотистые глаза затуманились болью.

Я рванул к проходу между грибными стволами, куда огромная туша пернатой твари не смогла бы протиснуться при всём желании. Ноги скользили по влажной грибнице, лёгкие горели от нехватки воздуха, сердце колотилось где-то в горле, отсчитывая последние мгновения жизни. Позади раздавался яростный вой и треск ломающихся корней — хищница освобождалась из моей ловушки быстрее, чем я рассчитывал. Я не оборачивался. Каждая секунда промедления могла стать последней.

Узкий лаз между исполинскими ножками грибов приближался. Десять шагов. Пять. Я уже видел спасительную щель, куда сможет протиснуться человек, но не существо размером с дом. Три шага. Два. Я вытянул руку, готовясь нырнуть в проход головой вперёд, вжаться в каменную стену за грибами, затеряться в лабиринте корней и лиан, где даже острые глаза совы не сразу отыщут добычу.

Тень упало на меня. Огромная, стремительная, заслонившая свет мхов и погрузившая всё вокруг в крошечную мглу. Я не успел даже вскрикнуть. Когти сомкнулись вокруг моего торса — стальные, безжалостные, пронзившие остатки рубахи и впившиеся в кожу под рёбрами. Боль взорвалась ослепительной вспышкой, мир дёрнулся и полетел куда-то вверх с чудовищной скоростью. В ушах засвистел ветер, желудок провалился в пятки, перед глазами замелькали смазанные очертания грибных шляпок, светящихся лиан, каменных выступов.

Она взлетела. Я висел в когтях пернатой твари, раскачиваясь в такт мощным, но беззвучным взмахам крыльев, и чувствовал, как рёбра трещат под чудовищным давлением. Когти сжимались всё сильнее, пробивая кожу, входя в плоть, и тёплые струйки крови уже стекали по

животу, пропитывая лохмотья одежды. Я вскрикнул от боли. Lumirael, всё ещё зажатый в правой руке, испускал золотистое сияние, но я не мог нанести удар — тело оказалось зафиксировано так плотно, что клинок упирался в оперение твари, не в силах размахнуться для сколь угодно серьёзного выпада.

Земля стремительно удалялась. Грибной лес, только что окружавший меня со всех сторон, превратился в пёстрый ковёр из светящихся шляпок и тёмных провалов между ними. Река, вдоль которой я шёл, заблестела серебристой лентой, извивающейся среди каменных берегов. Руины тёмных эльфов, замеченные ранее, открылись сверху во всей своей мрачной красе — остатки улиц, фундаменты зданий, полуобвалившиеся арки, уходящие в темноту туннели. Я видел Нок'Тарим с высоты, с которой его не видел никто из людей. И это зрелище захватывало дух даже сейчас, на грани жизни и смерти.

Страх — липкий, холодный и первобытный — сковал сознание, заставляя тело биться в панике, вырываться из смертельной хватки. Я задёргался, пытаюсь высвободить хотя бы одну руку, чтобы вонзить Lumirael в лапу твари. Когти сжались сильнее, из горла хищницы вырвался предупреждающий клёкот, и она качнула меня в воздухе — резко и безжалостно, демонстрируя, кто здесь хозяин положения. Я глянул вниз и похолодел.

Высота была чудовищной. Грибной лес превратился в размытое пятно, отдельные стволы уже не различались, только светящиеся шляпки мерцали где-то далеко внизу, как отражения звёзд в чёрной воде. Свод пещеры, наоборот, приблизился — я видел наросты сталактитов, свисающие вниз острыми копьями, видел трещины и разломы в камне, видел целые колонии светящихся мхов, образующих причудливые узоры на потолке подземного мира. Одно неосторожное движение, один удар клинком, который разозлит тварь, — и она разожмёт когти. И тогда я полечу вниз. С этой высоты падение продлится достаточно долго, чтобы осознать каждое мгновение приближающейся смерти, прежде чем тело превратится в кровавое месиво на камнях.

Я перестал брыкаться. Рука, сжимающая Lumirael, расслабилась, хотя клинок я не отпустил — просто перестал пытаться ударить. Дыхание выровнялось настолько, насколько это вообще возможно, когда твои рёбра сдавливают когти существа, способного унести целого быка. Мысли, только что мечущиеся в панике, выстроились в холодную, расчётливую цепочку. Если я продолжу сопротивляться — она меня сбросит. Если перестану — возможно, у меня появится шанс. Она не убила меня сразу, на земле. Не разорвала клювом, как того нетопыря. Значит, я зачем-то ей нужен живым.

Тварь, почувствовав, что добыча прекратила сопротивление, издала удовлетворённый клёкот и выровняла полёт. Мощные крылья размеренно рассекали воздух, унося нас всё дальше в глубины Нок'Тарима, туда, куда не ступала нога человека и где, возможно, находилось логово этого пернатого кошмара.

Мысль о магии пришла, как всегда, с опозданием. Я мог бы ударить огнём, мог бы вонзить каменные шипы в брюхо твари, мог бы призвать корни прямо на лету — если бы сообразил сделать это в первые мгновения после взлёта. Теперь же любое заклинание, любое резкое движение обернётся против меня. Когти держали мёртвой хваткой, впиваясь в плоть под рёбрами с такой силой, что каждый взмах крыльев отдавался новой вспышкой боли. Вырваться из этих тисков не представлялось возможным — хищница сжимала добычу с расчётом, выработанным тысячами успешных охот. Я висел, раскачиваясь в такт полёту, и мог только ждать, когда она снизится, когда представится шанс.

Ну погоди у меня, курица! Я тебе все перья повывёртываю!

Мы летели сквозь бескрайние просторы Нок'Тарима, и подземный мир разворачивался внизу причудливым гобеленом из света и тьмы. Грибные леса сменялись каменистыми пустошами, усеянными острыми сталагмитами, торчащими из земли, как клыки погребённого великана. Пустоши переходили в глубокие расщелины, со дна которых поднималось багровое

заревое — то ли лава текла где-то в недрах, то ли древняя магия всё ещё пульсировала в сердце подземелья. Река, вдоль которой я брёл совсем недавно, извивалась далеко внизу серебристой лентой, исчезала в тёмных провалах туннелей и появлялась снова, сверкая в свете мхов. Я видел стаи летучих мышей, кружащих над светящимися озёрами, видел исполинские скелеты неведомых тварей, вмурованные в стены пещер, видел целые колонии каких-то шевелящихся существ, облепивших каменные своды живым ковром.

Впереди показалась башня. Она возвышалась над грибным лесом одиноким стражем — высокая, полуразрушенная, сложенная из тёмного камня, знакомого мне по руинам тёмных эльфов. Стены оплетали светящиеся лианы, оконные проёмы зияли пустотой, кое-где обвалились целые секции кладки, обнажая внутренние помещения. Но вершина сохранилась. И на этой вершине, венчая древнее строение, покоилось гнездо. Огромное, сложенное из веток исполинских грибов, костей крупных животных и обрывков какой-то ткани, оно занимало всю верхнюю площадку, нависая краями над пропастью. Гнездо пернатой твари. Её логово. Её дом.

Вот оно!

Я поймал шанс, и сердце забилося быстрее, разгоняя по жилам адреналин. Мне и делать ничего не надо — она сама скинет меня в гнездо. Аккуратно, безопасно, как поступает любая хищная птица с ещё живой добычей, предназначенной для птенцов или для трапезы в укромном месте. Я приземлюсь на мягкую подстилку из веток и костей, переведу дух, быстро исцелю раны, а дальше — посмотрим, кто кого!

Радость длилась ровно до того момента, пока я не заметил вторую тварь.

Она появилась справа, вынырнув из-за каменного выступа, и понеслась на нас со скоростью, немыслимой для существа таких размеров. Точно такая же — бирюзовое оперение, переливающееся морскими волнами, белые кончики перьев, совиная голова с золотистыми глазами, длинный хвост, вытянутый в струну. Только эта была крупнее. Заметно крупнее. И приближалась она молча, без единого звука, без боевого клича и предупреждения. Крылья рассекали воздух с механической, неумолимой размеренностью, сокращая расстояние с каждой секундой.

— Да вы... шутите! — выдохнул я, глядя, как огромная туша несётся на всех парах, заслоняя полнеба.

Удар вышел чудовищным.

Вторая тварь врезалась в мою похитительницу всем телом — грудь в грудь, крыло в крыло, клюв в клюв. Столкновение сотрясло воздух гулким, утробным звуком, каким сталкиваются две скалы в горах. Когти, державшие меня, разжались мгновенно — то ли от боли, то ли от неожиданности, то ли инстинктивно, чтобы освободить лапы для драки. Я почувствовал, как давление на рёбра исчезает, как холодный воздух подземелья обдувает раны, как желудок подпрыгивает к горлу, и полетел вниз.

Ветер ударил в лицо с силой кузнечного молота, забил в уши свистом, вышиб слезы из глаз. Мир вокруг превратился в смазанную мешанину из света и тьмы — башня, небо, грибной лес, река, снова башня. Я падал, кувыркаясь в воздухе, не в силах выровнять тело, и первобытный, животный ужас вырвался из груди отчаянным криком. Я орал во всю глотку, изливая в этом крике страх, ярость, боль и бессилие. Орал, пока лёгкие не начали гореть, пока голос не сорвался в хрип.

Но даже сквозь панику рассудок продолжал работать. Башня. Я падал мимо башни. Её стена проносилась в нескольких шагах от меня — тёмная, замшелая, покрытая трещинами и выступами. Я выбросил руку, призывая Lumirael. Серая дымка сгустилась в ладони, обрела форму клинка, и золотистое сияние разлилось вокруг. Я перехватил рукоять обеими руками обратным хватом — лезвием вниз, остриём к стене. Прицелился. Времени на точный расчёт не оставалось, только на инстинкты и отчаяние.

Клинок вошёл в камень легко, как нож в масло. Золотистое лезвие погрузилось в древнюю кладку, вспоров её без малейшего сопротивления. Я сжал рукоять мёртвой хваткой, и падение резко замедлилось. Тело дёрнулось, плечи пронзила острая боль от рывка, но я держался. Lumirael прорезал камень, оставляя за собой длинную, светящуюся борозду, а я скользил вниз вдоль стены, тормозя всем весом. Искры летели во все стороны, каменная крошка сыпалась на лицо, ветер всё ещё свистел в ушах, но падение замедлялось, превращаясь из смертельного в контролируемое.

Центр тяжести сместился. Тело качнулось маятником, и клинок, не выдержав угла нагрузки, вышел из стены. Я пролетел ещё несколько метров — три, четыре, пять, — прежде чем спиной врезался во что-то твёрдое. Удар вышиб воздух из лёгких, заставил мир перед глазами вспыхнуть белым и погаснуть на мгновение. Из горла вырвался сдавленный стон, больше похожий на хрип. Перед глазами плыли тёмные круги, в ушах звенело, тело отказывалось слушаться.

Я лежал, раскинув руки, и смотрел вверх. Две исполинские птицы сцепились в воздушной схватке, издавая пронзительные вопли и осыпая друг друга ударами клювов и когтей. Перья летели во все стороны, кружась в воздухе, как диковинный снег. Бирюзовые, с белыми кончиками, они медленно опускались вниз, подхваченные невидимыми потоками воздуха. Красивое зрелище. Почти мирное. Если забыть, что несколько мгновений назад я едва не разбился насмерть твою мать!

Я перевернулся на бок, закашлялся, сплёвывая кровь и каменную крошку, и попытался понять, куда именно приземлился. Подо мной был камень — холодный, грубо отёсанный, явно рукотворный. Вокруг возвышались полуразрушенные стены, зияли оконные проёмы, в которые задувал ветер, принося запахи подземелья и далёкий шум реки. Я находился внутри башни. На каком-то из её этажей, чудом сохранившем перекрытия.

Я поднял Lumirael дрожащей рукой и приложил золотистое лезвие к рваным ранам на боку. Боль, только что пульсировавшая под рёбрами огненными вспышками, начала отступать. Знакомое тепло разлилось от клинка, проникло под кожу, запуская целительный процесс. Плоть срасталась, стягивалась, заполняла глубокие проколы, оставленные когтями пернатой твари. Я смотрел, как раны закрываются одна за другой, оставляя после себя лишь бледные шрамы, которые, я знал, исчезнут через несколько минут. Кровь, запёкшаяся на коже и остатках рубахи, напоминала о пережитом, но тело снова стало целым.

Постанывая — не столько от боли, сколько от ноющей усталости, поселившейся в каждой мышце, — я принялся подниматься. После такого падения колени дрожали, спина ныла, но я выпрямился, утвердился на ногах и задрал голову вверх. Сквозь пролом в потолке, через который я провалился мгновения назад, виднелся кусок подземного неба. Там, в вышине, две исполинские твари продолжали свою воздушную битву.

Они сцепились когтями, клювы щёлкали в опасной близости от глаз, крылья хлестали по воздуху, создавая настоящие вихри, долетавшие даже до меня. Бирюзовые перья летели во все стороны, кружась в призрачном свете мхов, как диковинные снежинки. Твари то взмывали вверх, то падали, кувыркаясь в воздухе, и их пронзительные вопли отражались от каменных сводов, многократно усиленные эхом. Территорию делят. Или это её муженёк решил показать, кто в гнезде хозяин. А может, соперница — у совиных тварей наверняка свои брачные ритуалы, и я стал невольным свидетелем выяснения отношений.

В любом случае, это мне на руку. Пока они заняты друг другом, у меня есть время осмотреться, найти что-нибудь полезное и убраться подальше, прежде чем победительница вернётся в гнездо и обнаружит, что обед сбежал. Я опустил взгляд и впервые внимательно оглядел место, куда меня занесло.

Это был этаж башни — просторное помещение с высокими стенами, сложенными из тёмного, грубо отёсанного камня. Часть перекрытий обвалилась, открывая вид на соседние

уровни и далёкий свод пещеры. В углах громоздились кучи хлама, нанесённого сюда, очевидно, хозяйкой гнезда за долгие годы. Кости. Много костей. Крупных, мелких, расколотых и целых. Черепа неведомых существ скалились пустыми глазницами, рёбра торчали из общей массы, как изогнутые клыки. Среди костей виднелось снаряжение — остатки доспехов, обрывки одежды, сломанное оружие, проржавевшие пряжки и застёжки. Всё это заросло светящейся травой и лианами, проникшими сквозь трещины в стенах, образовав причудливый саван из зелени, укрывающий останки незадачливых жертв.

Лишнее хозяйка гнезда скидывала сюда. То, что не могла переварить или не хотела хранить в самом гнезде. Сколько же лет этому месту? Десятилетия? Столетия? Судя по состоянию некоторых костей и доспехов, башня служила домом для крылатых хищников очень, очень давно.

Я двинулся вдоль стен, придерживая бок рукой — боль ещё не ушла полностью, но уже отступала, растворяясь под действием магии Lumirael. Взгляд выхватывал из груд хлама отдельные предметы: сломанный меч, пробитый шлем, щит, разваливающийся от одного прикосновения. Ничего ценного. Ничего, что могло бы пригодиться в пути. Я уже начал терять надежду, когда наткнулся на грудю доспехов, заметно отличавшихся от прочих.

Они были тёмно-эльфийской работы. Я узнал этот стиль сразу — изящные линии, плавные изгибы, отсутствие громоздких деталей при сохранении прочности. Нагрудник из чёрной стали, покрытый тонкой резьбой, изображающей переплетённые лозы и какие-то древние символы. Наплечники, повторяющие анатомию плеча. Наручи, усиленные вставками из неизвестного мне тёмного металла. Поножи, сохранившиеся лучше всего. Доспехи выглядели старыми — очень старыми, — но крепкими. В паре мест виднелись трещины, зазубрины от когтей и ударов, однако в целом броня держалась. Лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

Я принялся стремительно натягивать находку на себя. Размер оказался больше моего — тёмный эльф, носивший эти доспехи, был выше и шире в плечах, — но ремни позволяли подогнать снаряжение под фигуру. Я затянул пряжки, проверил, как двигаются руки, и остался доволен. Броня сидела свободно, не стесняла движений и при этом дарила ощущение защищённости, которого мне отчаянно не хватало с момента пробуждения на берегу. Трещины — не беда. Главное, что теперь я не голый.

Где-то вдалеке раздался глухой грохот — тяжёлый, утробный, прокатившийся под сводами пещеры и затихший где-то за стенами башни. Следом донёсся рёв. Не пронзительный, как во время воздушной схватки, а низкий, полный боли и ярости. Твари потеряли высоту. Упали куда-то далеко, в грибной лес или на каменистые пустоши, и теперь выясняли отношения на земле. Крики продолжались — глухие, перемежающиеся треском ломающихся веток и ударами тяжёлых тел. У меня есть время. Немного, но есть.

Я продолжил поиски, и вскоре блеск привлёк моё внимание. Что-то металлическое поблёскивало в куче травы у дальней стены, отражая свет мхов, проникающий сквозь пролом в потолке. Я подошёл, опустился на корточки, разгрёб заросли руками. Пальцы сомкнулись на прохладном, гладком предмете.

Арбалет. Небольшой, одноручный, поразительно лёгкий. Тёмно-эльфийская работа — те же плавные линии, та же безупречная подгонка деталей. Ложе из тёмного дерева, не тронутого временем и сыростью. Металлические части покрыты тонкой гравировкой, изображающей бегущих зверей и охотников с луками. Механизм взведения работал плавно, без скрипа, тетива сохранила упругость. Настоящее произведение оружейного искусства, способное послужить и сейчас, спустя столетия после смерти своего владельца.

Я осмотрел арбалет со всех сторон, проверил спусковой крючок, оценил баланс. Лёгкий, удобный, точный. Идеальное оружие для скрытного перемещения и внезапных атак. Одно плохо — болтов почти не осталось. Я обыскал всё вокруг, разгрёб траву, перевернул несколько костей, прежде чем нашёл их. Три штуки. Всего три. Короткие, толстые, выточенные из какого-

то каменистого материала — не то обсидиана, не то застывшей магмы. Наконечники широкие, рассчитанные на нанесение глубоких ран и застревание в плоти. Я покрутил один болт в пальцах, ощущая его тяжесть и холод. Хрупкие на вид, но на деле — прочные, способные пробить даже толстую шкуру. Три выстрела. Всего три. Нужно будет использовать их с умом.

Я убрал болты в подсумок, найденный тут же, среди снаряжения, закрепил арбалет на поясе — благо, доспехи имели необходимые крепления, и выпрямился. В этом месте всё пригодится. Лишним не будет. А теперь пора убираться отсюда, пока хозяйка гнезда и её соперник не закончили свои разборки и не вспомнили о двуногой добыче, сбежавшей из когтей.

Я огляделся, выбирая путь. Стены башни имели несколько проломов, через которые можно было выбраться наружу. Один вёл на каменный карниз, опоясывающий башню на уровне этого этажа. Другой — вглубь строения, в темноту внутренних помещений. Снаружи доносился шум ветра и далёкий плеск реки. Внутри царила тишина, нарушаемая лишь шорохом травы и капающей где-то водой. Я прислушался к рёву тварей — они всё ещё были далеко, занятые друг другом. Время уходить.

Я шагнул к пролому, ведущему на карниз, и осторожно выглянул наружу. Высота — головокружительная. Внизу расстился грибной лес, светящийся зеленоватыми и голубоватыми огнями.

Ветер, гуляющий по подземным просторам Нок'Тарима, трепал волосы и забирался под доспехи, пробирая холодом до самых костей. Где-то там далеко, извивалась серебристая лента реки — тонкая, едва различимая с такого расстояния. Слишком далеко. Пернатая тварь унесла меня на приличное расстояние, и теперь ориентир, служивший путеводной нитью, превратился в далёкое воспоминание.

Проклятье. Чёрт бы побрал эти земли, эту подземную глушь и всё, что в ней обитает. Что же делать? Идти обратно к реке, ориентируясь по памяти и надеясь не попасться в лапы очередному хищнику? Искать другой путь? Остаться здесь и ждать неизвестно чего?

Я обвёл взглядом окрестности, пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь, что подсказало бы направление. Грибной лес расстился внизу бескрайним морем светящихся шляпок, перемежающихся тёмными провалами и каменистыми проплешинами. А дальше, за лесом, за пустошами, за изгибами рельефа, взгляд зацепился за нечто массивное.

Башня. Она возвышалась над подземным пейзажем одиноким исполином, вонзая острый шпиль в темноту свода. Высокая, стройная, сложенная из того же тёмного камня, что и руины вокруг, она сохранилась на удивление хорошо. Стены не обвалились, крыша не провалилась, даже шпиль, уходящий ввысь на немыслимую высоту, казался целым, без следов разрушений. Растительность, вездесущие лианы и светящиеся мхи, оплетали её густым ковром, скрадывая детали архитектуры, но не в силах скрыть главного — это строение было жилым. Или, по крайней мере, обитаемым.

Я прищурился, вглядываясь в далёкий силуэт. Тёмно-эльфийская работа — без сомнений. Те же плавные линии, та же мрачная элегантность, то же стремление ввысь, свойственное народу, привыкшему строить в пещерах, где каждый фут высоты отвоёвывается у камня. Окна — узкие, стрельчатые, расположенные на разных уровнях, — зияли тёмными провалами, и в одном из них промелькнул свет. Я замер, боясь, что показалось. Свет переместился в соседнее окно, задержался там на несколько мгновений и исчез в глубине строения, растворился в темноте внутренних помещений.

Там кто-то был. Кто-то живой. Кто-то, кто зажёт огонь или магический светильник и перемещался по этажам древней башни посреди дикого, кишящего хищниками Нок'Тарима.

Тут живут? В таком-то месте? Я покачал головой, но тут же одёрнул себя. Тёмные эльфы — подземный народ. Они веками строили города в пещерах, прокладывали туннели сквозь толщу камня, возводили крепости там, куда не проникал солнечный свет. Нок'Мораэ, Айр'Калет, десятки других поселений, о которых я знал лишь понаслышке, — все они находились

глубоко под землёй. Так почему бы кому-то не обитать и здесь, в самом сердце Нок'Тарима? Отшельник. Изгнанник. Хранитель древних знаний. Или, может, целая община, уцелевшая с тех времён, когда эти лабиринты ещё не были, со слов Иллиарис — «крайне опасными».

Тёмно-эльфийскому я научился. Не в совершенстве, но достаточно, чтобы объяснить, попросить помощи или хотя бы узнать дорогу. Если там живут тёмные эльфы, они поймут меня. Может, даже помогут. Или хотя бы подскажут, как выбраться из этого проклятого лабиринта.

До башни далеко. Я прикинул расстояние, и внутри всё сжалось от досады. Путь лежал через грибной лес, полный хищников, через открытые пространства, где меня могла заметить пернатая тварь, если решит вернуться, через неизвестность, таящую в себе десятки смертельных опасностей. Зараза. Видать, Артерии посчитали, что я чересчур везучий, и решили проклясть меня по полной. Богини судьбы, плетущие нити жизней, явно сплели мою из колючек и яда.

Я в последний раз взглянул на далёкую башню, отмечая её местоположение относительно окружающих ориентиров — высокая, с острым шпилем, чуть левее русла реки, на фоне тёмного провала в стене пещеры. Затем развернулся и начал спускаться.

Внутренние помещения разрушенной башни встретили меня тишиной и запахом вековой пыли. Я двигался быстро, но осторожно, перепрыгивая через обвалившиеся балки, протискиваясь сквозь завалы, находя путь по едва заметным признакам — стёртым ступеням, остаткам перил, проломам, ведущим на следующий уровень. Тёмно-эльфийские строители знали своё дело: даже спустя столетия забвения лестницы держались, стены не осыпались под ногами, а планировка оставалась логичной и предсказуемой. Я спускался всё ниже, минуя этаж за этажом, пока наконец не вышел к основанию башни — широкому проёму, бывшему когда-то главным входом.

Створки ворот отсутствовали. Их сорвали или они сгнили за давностью лет, оставив лишь зияющий провал, за которым начинался грибной лес. Я замер на пороге, вслушиваясь в звуки подземелья. Стрекот насекомых. Писк летучих мышей. Шорох лиан. Далёкий, едва слышный плеск воды. И тишина. Ни рёва хищников, ни хлопанья исполинских крыльев. Пернатые твари всё ещё были заняты друг другом где-то далеко.

Я шагнул наружу и двинулся в направлении дальней башни, стараясь держаться укрытий — толстых стволов грибов, замшелых валунов, естественных углублений в рельефе.

Путь предстоял неблизкий. Я шёл, и мысли крутились вокруг одного: кто живёт в той башне? Друг или враг? Помощник или новая угроза? Ответа не было. Но выбора тоже не оставалось. Впереди маячила единственная надежда на спасение.

Я двигался через грибной лес, и каждый шаг отдавался в ногах тупой, накопившейся усталостью. Башня, казавшаяся с высоты достижимой целью, на деле отстояла куда дальше, чем представлялось. Подземные расстояния обманчивы — отсутствие привычных ориентиров, однообразное мерцание мхов и бесконечная череда исполинских грибных стволов искажали восприятие пространства. Я шёл час, другой, третий, а заветный шпиль приближался до отращения медленно, дразня своей недостигаемостью.

День сменялся ночью лишь в моём воображении. В Нок'Тариме царил вечный полумрак, разбавленный зеленоватыми, голубоватыми и багровыми отсветами светящейся растительности. Я ориентировался по внутреннему чувству времени, отсчитывая периоды бодрствования и короткие передышки, во время которых приваливался спиной к замшелому стволу и забывался чутким, тревожным сном. Пара дней минула в этом монотонном, изматывающем переходе.

Удивительно, но эти дни выдались спокойными. Никто не пытался меня сожрать, разорвать на части, утащить в логово или сбросить с высоты. Хищники, чьи рёвы и вопли я слышал в отдалении, занимались своими делами, не обращая внимания на одинокого путника, крадущегося в тени грибов. То ли тёмно-эльфийские доспехи скрадывали мой запах, то ли местная

фауна просто не видела во мне достойной добычи, то ли удача, издёвки ради, решила дать небольшую передышку.

Питался я фруктами. Те самые оранжевые плоды, напоминающие хурму, росли здесь в изобилии — кусты с гроздьями спелых, истекающих соком шаров попадались на каждом шагу. Я срывал их, жадно впивался зубами в гладкую кожицу, и рот наполнялся сладкой, вяжущей мякотью. Сок стекал по подбородку, липкими каплями падал на нагрудник, и вместе с голодом уходила жажда. Удобно. Не нужно искать воду, рискуя нарваться на подземных тварей у реки или озера. Плоды давали и пищу, и влагу, поддерживая силы для долгого пути.

Лес вокруг жил своей потаённой, чуждой жизнью. Я видел существ, которых не встретишь на поверхности ни за какие деньги. Однажды дорогу переползла многоножка длиной с мою руку — хитиновые сегменты поблёскивали алым, а десятки лапок двигались волнами, унося тварь в заросли светящихся папоротников. В другой раз я замер, заметив на стволе гриба колонию мелких, полупрозрачных созданий, напоминающих улиток без раковин. Они ползли вверх, оставляя за собой мерцающие серебристые дорожки, и тихо пересвистывались на частоте, от которой закладывало уши.

На третий день я наткнулся на поляну, усеянную костями. Крупные рёбра, позвоночники, черепа с рогами и без — целое кладбище подземных тварей, устроенное кем-то методично и с размахом. Я обошёл поляну по широкой дуге, не желая встречаться с хозяином этого склепа. Кем бы он ни был, аппетит у него впечатлял.

Где-то над головой то и дело раздавался хлопающий звук. Летучие мыши — стаи, тучи, целые облака кожистых крыльев — носились под сводами пещеры, охотясь на светящихся насекомых. Я научился отличать их писк от других звуков подземелья. Острый, пронзительный, он служил своеобразным маяком, указывающим на безопасные участки. Где много летучих мышей — там меньше крупных хищников.

Однажды из зарослей прямо передо мной выпорхнула стайка крылатых ящериц. Мелкие, с воробья размером, они имели перепончатые крылья и длинные хвосты, светящиеся на конце ярким бирюзовым огоньком. Я замер, провожая их взглядом, и впервые за долгое время позволил себе улыбку. Красивые создания. Безобидные, пугливые, живут своей жизнью, не подозревая о двуногом чудовище, вторгшемся в их владения.

Но идиллия не могла длиться вечно.

На четвёртый день я услышал рёв — близкий, вибрирующий, заставивший внутренности сжаться в инстинктивном ужасе. Тот самый звук, что преследовал меня с момента пробуждения на берегу. Я нырнул за толстый ствол гриба, вжался в него спиной и затаил дыхание. Рёв повторился, совсем рядом, за стеной зарослей. Земля дрогнула под тяжёлой поступью. Нечто огромное прошло мимо, ломая кусты и хрустя костями — то ли своими, то ли чужой добычи. Я не выглядывал. Ждал, пока шаги стихнут, пока рёв отдалится, пока сердце перестанет колотиться где-то в горле. И только потом двинулся дальше, огибая место встречи с невидимым гигантом.

На пятый день я наконец приблизился к башне настолько, что мог разглядеть каждую деталь древней кладки, каждую трещину в камне, каждую лиану, оплетающую стены. Она возвышалась надо мной мрачным исполином, вонзая острый шпиль в темноту подземного свода, и вблизи производила ещё более гнетущее впечатление. Архитектура — безупречная, свойственная тёмным эльфам, с их любовью к вертикальным линиям, стрельчатым аркам и мрачной элегантности. Стены, сложенные из тёмного, почти чёрного камня, местами поросли светящимся мхом, отчего башня казалась окутанной призрачным зеленоватым сиянием. Окна — узкие, высокие, расположенные без видимой системы — зияли тёмными провалами, и лишь в одном, на уровне третьего или четвёртого этажа, теплился знакомый огонёк.

Территорию окружала стена. Не высокая — всадник на хорошем скакуне перемахнул бы её без труда, а уж человек, привыкший к лазанию по крепостям и утёсам, и подавно. Сложен-

ная из того же тёмного камня, она опоясывала башню неровным кольцом, местами осыпавшись, местами заросшая густой растительностью. Ворота — небольшие, кованые, покрытые ржавчиной и паутиной трещин — стояли закрытыми. Я замер в двух десятках шагов от них, всматриваясь в окружающее пространство и пытаясь понять, что меня беспокоит.

А потом заметил, что жучки, червячки, летающие твари — вся та мелочь, что кишела в грибном лесу, наполняя его стрекотом, шорохом и движением, — обходила это место стороной. Я проследил взглядом за многоножкой, ползущей по стволу ближайшего гриба. Она достигла невидимой границы, замерла, пошевелила усиками и резко сменила направление, уходя в сторону. Летучие мыши, кружащие под сводом, ни разу не пересекли воздушное пространство над стеной. Даже светящиеся насекомые, роящиеся в воздухе, образовали чёткую дугу, огибающую территорию башни по широкой окружности.

Я постоял, осматривая строение, почёсывая затылок сквозь спутанные волосы. В голове крутились обрывки мыслей, не желающие складываться в цельную картину.

— Что же в тебе такого, что всякая фауна тебя сторонится? — вопрос вырвался сам собой, пробормотанный на выдохе, тихо, вполголоса. Башня молчала, храня свою тайну за древними стенами и закрытыми воротами.

Я опустил взгляд на эти самые ворота, собираясь сделать шаг вперёд, и вдруг замер. Нога, уже приподнятая для движения, повисла в воздухе. Нет. Что-то тут не так. Не зря же всякие зверьки её стороной обходят. Инстинкт, выработанный годами выживания в самых гиблых местах, вцепился в сознание ледяными когтями и не отпускал. Я опустил ногу обратно и призвал магическое зрение.

Мир изменился. Краски потускнели, уступив место призрачным контурам и переливам энергий. Грибной лес позади светился ровным, природным изумрудным сиянием — жизнь, простая и древняя, пульсировала в каждом растении, в каждом насекомом, в каждой твари, скрытой в зарослях. Я перевёл взгляд на башню и замер, не веря собственным глазам.

Вся территория оказалась накрыта куполом. Огромным, идеально ровным, переливающимся в магическом спектре бледно-голубыми и серебристыми всполохами. Он поднимался от земли, охватывал стену по периметру и смыкался где-то высоко над шпилем, образуя замкнутую полусферу. Невидимый обычному глазу, но абсолютно реальный в магическом плане барьер отделял владения башни от остального Нок'Тарима. Я всмотрелся в его структуру — сложную, многослойную, сплетённую из десятков заклинаний, перетекающих одно в другое. Работа мастера. Высшего мастера, владеющего искусством плетения на уровне, недоступном большинству ныне живущих чародеев.

Я подошёл ближе, остановился у самых ворот и протянул руку. Пальцы коснулись холодного, шершавого металла, покрытого вековой ржавчиной. Обычная поверхность. Ладонь не упёрлась в невидимую преграду, не ощутила покалывания или отторжения. Купол пропустил меня. Вернее, он не был физическим барьером. Скорее — отпугивателем. Мощным, искусно сплетённым заклинанием, воздействующим на разум или инстинкты живых существ, заставляющим их обходить это место десятой дорогой. И очень умелым, раз даже крупные хищники, вроде тех чешуйчатых ягуаров или пернатых сов, не смели пересекать невидимую границу.

Я толкнул ворота. Створки дрогнули и с лёгкостью подались внутрь, открывая проход во двор. Петли даже не скрипнули — то ли смазаны, то ли зачарованы против ржавчины и времени. Я замер на пороге, не торопясь входить, и мысль вспыхнула в голове яркой вспышкой: так просто? Никакого замка, никакой ловушки, никакого сторожевого заклинания, которое ударило бы молнией или парализовало незваного гостя? Это настораживало сильнее, чем если бы ворота оказались заперты на десяток магических печатей.

Я высунул голову за створки, внимательно осматривая открывшееся пространство. Внутренний двор башни представлял собою запущенный, заросший сад. Высокая трава, достигающая пояса, колыхалась от неощутимого движения воздуха. Кусты с теми самыми оранжевыми

плодами росли прямо у стен, усыпанные спелыми гроздьями. Светящиеся лианы оплетали каменную кладку, образуя причудливые узоры. Дорожка, вымощенная тёмной плиткой, вела от ворот к главному входу в башню — массивной двустворчатой двери с коваными накладками. Тишина стояла звенящая, неестественная, нарушаемая лишь шелестом травы и моим собственным дыханием. За территорией никто не ухаживал. Годы, десятилетия, а может, и столетия это место пребывало в запустении, если не считать таинственного обитателя, чей свет я видел в окне.

Я вновь активировал магическое зрение и медленно, очень медленно обвёл взглядом двор, стены, башню, каждый камень, каждую травинку. Купол мерцал по периметру ровным голубоватым светом, но внутри него не обнаруживалось ничего угрожающего. Ни ловушек, ни сторожевых чар, ни притаившихся в засаде существ. Только башня, источающая слабое, едва уловимое свечение — признак того, что внутри теплится жизнь, магия или и то, и другое вместе.

Я сделал шаг вперёд. Подошва сапога мягко ступила на каменную плитку дорожки. Ворота за спиной остались распахнутыми, и я не стал их закрывать — на случай, если придётся спешно покидать это место.

Я шагал по каменной дорожке, и каждый шаг отдавался в груди глухим набатом. Взгляд метался по сторонам, выискивая малейшие признаки опасности — подозрительные плиты, натянутые нити, руны, вырезанные в камне. Магическое зрение я не развеивал, и мир вокруг оставался призрачным, сотканным из переливов энергии и тусклых аур. Но двор хранил молчание. Ни ловушек, ни сторожевых чар, ни притаившихся тварей. Только высокая трава, колышущаяся от неощутимого движения воздуха, только кусты с оранжевыми плодами, лианы, оплетающие стены мерцающей паутиной.

Я дошёл до дверей без единого происшествия. Остановился, переводя дыхание и собираясь с мыслями. Массивные створки из тёмного дерева, укреплённые коваными накладками, возвышались передо мной. Ни ручки, ни кольца — только гладкая поверхность, потемневшая от времени. Я поднял руку, помедлил мгновение, искренне надеясь не потревожить хозяина своим вторжением, и постучал. Костяшки пальцев трижды ударили по дереву. Звук получился глухим, но с той стороны, из глубины башни, вернулся небольшим эхом — пустым, гулким, прокатившимся по невидимым коридорам и затихшим где-то в вышине.

Я ждал. Тишина. Только ветер гуляет где-то под сводом пещеры, трава шелестит за спиной, собственное сердце отсчитывает удары. Я постучал снова — на этот раз громче и настойчивее. Может, спят? Ответа не последовало. Я осмотрелся, выискивая хоть что-нибудь примечательное во дворе — звонок, молоток, сигнальное устройство. Ничего. Обычный двор заброшенной башни посреди подземного царства. Вздохнув, я толкнул дверь.

Она подалась легко, без скрипа и сопротивления. Петли, смазанные или зачарованные, сработали бесшумно, пропуская меня внутрь. Я переступил порог и замер, привыкая к полумраку.

— Есть тут кто?

Голос прозвучал негромко, но пустота башни подхватила его, размножила, понесла вверх по лестницам и коридорам, отражая от каменных стен и возвращая обратно искажённым, чужим. Эхо прокатилось под сводами и затерялось в глубине, не найдя отклика. Я нахмурился, провёл ладонью по стене рядом с дверью — камень холодный, шершавый, самый обыкновенный. Затем шагнул вперёд, оставляя дверь чуть приоткрытой.

Внутри башня оказалась куда просторнее, чем представлялось снаружи. Первый этаж представлял собою круглый зал с высоким потолком, теряющимся в темноте. Стены, сложенные из тёмного камня, перемежались стрельчатыми нишами, в которых стояли пустые подсвечники и какие-то пыльные сосуды. Пол выложен мозаикой — тёмно-зелёной, почти чёрной, с вкраплениями серебристых прожилок, образующих причудливый узор. В центре зала

возвышалась массивная колонна, оплетённая винтовой лестницей, уходящей вверх, в темноту. Вдоль стен располагались стеллажи, шкафы, какие-то столы и кресла — всё старое, покрытое слоем пыли, но расставленное с определённым порядком, не хаотично.

Я двинулся вглубь, ступая осторожно, стараясь не шуметь. Взгляд выхватывал детали обстановки: книги в кожаных переплётах, выстроенные на полках ровными рядами; свитки, уложенные в специальные ниши; алхимические приборы — колбы, реторты, перегонные кубы — покрытые паутиной, но целые. На одном из столов лежала раскрытая карта, и я склонился над ней, вглядываясь в выцветшие линии. Нок'Тарим. Я узнал очертания и рисунки грибов — извилистую ленту реки, грибные леса, отмеченные условными знаками, какие-то строения, соединённые пунктирными линиями. Часть надписей на тёмно-эльфийском, часть — на неизвестном мне языке, состоящем из угловатых, колючих рун. Я провёл пальцем по пергаменту, стирая пыль. Не знаю есть ли тут хозяин, но если есть, то почему всё такое пыльное? Не уверен, можно ли брать чужое, но карта может пригодится. Я взял её и двинулся дальше.

Лестница манила. Я подошёл к центральной колонне, положил ладонь на холодный камень перил и задрал голову. Ступени уходили вверх, теряясь во мраке, и где-то там, на верхних этажах, теплился тот самый свет, что я видел снаружи. Тот, кто его зажжёт, должен быть там. Или спал, или занимался своими делами, или просто не желал отвечать незваному гостю. В любом случае, стоять внизу и гадать — пустая трата времени.

Я начал подниматься.

Ступени — узкие, стёртые тысячами шагов — вели вдоль стены центральной колонны, огибая её по спирали. Через равные промежутки попадались небольшие площадки с дверями, ведущими, очевидно, в помещения на соответствующих этажах. Я заглядывал в каждую, приоткрывая створки и осматривая комнаты. Библиотека — стеллажи от пола до потолка, забитые книгами и свитками, массивный стол с чернильницей и погасшей лампой, кресло с высокой спинкой. Лаборатория — столы, уставленные алхимическим оборудованием, банки с заспиртованными существами, колбы с разноцветными жидкостями, давно высохшими или, наоборот, подозрительно светящимися. Оружейная — стойки с мечами, копьями, арбалетами, все покрыты пылью, но в отличном состоянии. Жилые комнаты — кровати с балдахинами, шкафы для одежды, умывальники, даже камин в одной из них, давно не топлённый.

Пыль лежала неравномерно. Где-то — толстым, нетронутым слоем, выдающим годы и десятилетия забвения. Где-то — тонким налётом, прорезанным свежими следами. Кто-то ходил здесь. Недавно. Перемещался между этажами, заходил в одни комнаты и обходил стороной другие. Я присел на корточки, разглядывая отпечатки на каменном полу. Маленькие. Изящные. Босые ступни с узкой пяткой и длинными пальцами. Женщина. Тёмная эльфийка?

Я выпрямился и продолжил подъём. С каждым этажом воздух становился теплее, насыщеннее запахами — сушёными травами, старым пергаментом, чем-то цветочным, едва уловимым. Свет в вышине делался ярче, приобретал золотистый оттенок, непохожий на холодное мерцание подземных мхов. Я поднимался всё выше, минуя этаж за этажом, и башня раскрывалась передо мной постепенно, неохотно, как старая книга, не желающая показывать свои тайны первому встречному. Где-то на середине пути я заметил на стене гобелен — выцветший, но всё ещё хранящий следы былого великолепия. На нём изображалась сцена охоты: тёмные эльфы верхом на каких-то ящерах преследовали исполинского зверя с рогами, увенчанными сияющими кристаллами. Я задержался на мгновение, разглядывая детали, и двинулся дальше.

Чем выше я поднимался, тем больше признаков жизни попадалось на пути. Свежий огрызок оранжевого плода на подоконнике. Чашка с остатками какой-то жидкости, ещё влажная на дне. Следы босых ног, пересекающие слой пыли и ведущие вверх, откуда лился золотистый свет. Я замедлил шаг, прислушиваясь. Тишина. Ни голосов, ни шагов, ни шороха одежд. Только моё собственное дыхание да стук сердца, отдающийся в висках.

Последний пролёт. Лестница заканчивалась у массивной двери — не деревянной, как прочие, а каменной, покрытой искусной резьбой. Переплетённые лозы, цветы с острыми лепестками, какие-то символы, складывающиеся в узор, от которого рябило в глазах. Свет пробивался сквозь щели по краям — тёплый, золотистый и живой. Я остановился перед дверью, собираясь с духом.

Я поднял руку и постучал. Три удара — громких, отчётливых, разносящихся по верхнему этажу гулом, который медленно затих, поглощённый каменными стенами. Тишина. Я переступил с ноги на ногу, чувствуя, как напряжение скручивает внутренности в тугой узел, и заговорил, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уважительно:

— Извините за вторжение! Мне нужна помощь, и я надеялся, что вы сможете мне рассказать, что это за место!

Слова прокатились по коридору, отразились от стен и затерялись в глубине башни. Ответа не последовало. Ни шагов, ни шороха одежд, ни скрипа половиц. Только тишина — плотная, вязкая, и настораживающая. Я нахмурился, подождал ещё несколько ударов сердца и толкнул дверь. Каменная створка подалась на удивление легко, повернувшись на невидимых петлях без единого звука, и передо мной открылось помещение, разительно отличавшееся от всего, что я видел в башне до этого.

Комната оказалась круглой, повторяющей форму верхнего этажа башни. Высокий сводчатый потолок терялся в мягком полумраке, подсвеченном золотистым сиянием, источник которого я не мог определить — свет струился отовсюду и ниоткуда одновременно, наполняя пространство тёплым, уютным мерцанием. Стены, сложенные из тёмного камня, были частично скрыты гобеленами и книжными шкафами, но не пыльными и заброшенными, как на нижних этажах, а ухоженными и живыми. Корешки книг поблёскивали золотым тиснением, свитки лежали в аккуратных стопках, между ними виднелись какие-то изящные статуэтки и непонятные приборы.

Пол устилал толстый ковёр с замысловатым узором — переплетённые лозы, цветы и руны, складывающиеся в единый, гипнотический рисунок. Ворс был мягким, пружинящим под ногами, и мои сапоги утопали в нём почти по щиколотку. Вдоль стен располагалась мебель: пара глубоких кресел с высокими спинками, обитых тёмным бархатом; низкий столик между ними, на котором покоилась раскрытая книга и чашка с остывшим травяным настоем; изящный секретер с множеством ящичков, часть из которых была чуть выдвинута, открывая взгляду какие-то письменные принадлежности и свёрнутые пергаменты. У одной из стен примостился массивный шкаф со стеклянными дверцами, за которыми поблёскивали ряды склянок, флаконов и загадочных артефактов.

В углу, у стрельчатого окна, выходящего в темноту подземелья, стоял высокий напольный канделябр на пять свечей. Свечи горели — не обычным, колеблющимся на сквозняке пламенем, а ровным, почти неподвижным, испуская тот самый золотистый свет, который я заметил ещё снаружи. Рядом с окном примостилось удобное кресло с пюпитром, на котором лежал раскрытый фолиант в кожаном переплёте, испещрённый рукописными строчками. Создавалось ощущение, что хозяин покинул комнату всего несколько минут назад — настолько всё здесь дышало присутствием, жизнью, недавней деятельностью.

Но главное находилось в центре. Зеркало. Огромное, в полный рост и даже выше, оно возвышалось на массивной подставке из тёмного дерева, украшенной искусной резьбой. Рама — широкая, покрытая замысловатыми узорами, напоминающими переплетённые ветви и цветущие лианы, — казалась вырезанной из цельного куска какого-то редкого материала, не то окаменевшего дерева, не то кости неведомого существа. Но само зеркало затмевало всё. Кристально чистое, отполированное до такой степени, что поверхность казалась не стеклом, а застывшей водой, оно отражало комнату с безупречной, почти пугающей точностью. Ни

пылинки, ни развода, ни малейшего искажения — только идеальная гладь, в которой я видел себя, замершего на пороге, и всю обстановку за спиной.

Я сделал шаг вперёд, и отражение повторило движение с абсолютной синхронностью. Никакой магии, никаких искажений — обычное зеркало. Но что-то в нём цепляло взгляд, заставляло всматриваться, искать подвох. Может, дело было в раме, излучавшей слабое, едва уловимое свечение в магическом спектре. Может, в том, как идеально ровно лежал свет на его поверхности, не давая бликов и теней. А может, в ощущении, что зеркало смотрит на меня в ответ — внимательно, изучающе, оценивающе.

Я обвёл комнату взглядом ещё раз, проверяя углы и ниши. Пусто. Хозяина нет. Только я, горящие свечи, раскрытая книга и это странное, завораживающее зеркало в центре. Где же тот, кто живёт здесь? Тот, чьи следы я видел на пыльных ступенях? Тот, кто зажжёт свечи и оставил недопитым травяной настой? Комната хранила молчание, но воздух здесь был иным — насыщенным, густым, пропитанным запахами трав, старого пергамента и чего-то ещё, неуловимого, цветочного, почти забытого. Так пахнет магия, когда её очень много и она сплетается в нечто большее, чем просто заклинания.

Я стоял посреди круглой комнаты, перед огромным зеркалом, и чувствовал себя незванным гостем, вторгшимся в чужое святилище.

Я стоял посреди круглой комнаты, и взгляд мой, обшарив стены, гобелены, шкафы и кресла, снова и снова возвращался к зеркалу. Оно притягивало чем-то иным, глубинным, не поддающимся объяснению. Я смотрел в отполированную гладь, видел собственное отражение — уставшее, осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, спутанные волосы, чужие доспехи на плечах, — и не мог отвести взгляд. Что-то в этом зеркале было неправильное, манящее и завораживающее.

Я протянул руку. Пальцы двигались медленно, нерешительно, преодолевая внутреннее сопротивление — тот самый инстинкт, что годами удерживал меня от прикосновения к неизвестным магическим предметам. Но зеркало звало, и я не мог, не хотел сопротивляться этому зову.

— Какое... странное зеркало, — пробормотал я, и собственный голос показался чужим, приглушённым, поглощённым пространством комнаты.

Кончики пальцев коснулись стекла.

Видения ворвались в сознание без предупреждения, перехода, и без малейшей подготовки. Мир вокруг исчез, растворился в вихре образов, сменяющих друг друга с молниеносной, неумолимой скоростью. Я видел смерть — повсюду, во всех её проявлениях. Горящие города, рушащиеся башни, выжженную дочерна землю, по которой стелился пепел, смешанный с кровью. Видел высших эльфов — тех самых, о ком слагали легенды, чья цивилизация считалась вершиной магического искусства и мудрости. Они кричали. Тысячи, десятки тысяч голосов сливались в единый вопль ужаса и боли, пронзающий душу насквозь. Их лица, искажённые страданием, мелькали передо мной — мужчины, женщины и дети. Я видел, как они падают, как их тела разрывает неведомая сила, как свет гаснет в их глазах. Видел разруху такого масштаба, что разум отказывался осмысливать увиденное. Видел конец целого мира.

Я отшатнулся. Тело среагировало само, выдёргивая меня из кошмара, обрывая связь с зеркалом. Ноги запутались в ворсе ковра, и я полетел назад, врезавшись задницей в пол с такой силой, что зубы клацнули. Дыхание вырывалось из груди тяжёлыми, рваными толчками, сердце колотилось где-то в горле, перед глазами всё ещё плыли отголоски видений — окровавленные лица, руины, пепел. Я сидел на полу, опираясь на дрожащие руки, и смотрел на зеркало выпученными, полными ужаса глазами. В нём отражался я — жалкий, испуганный, раздавленный тем, что только что пережил. И больше ничего. Никаких видений, никаких высших эльфов, никакой разрухи. Только моё собственное, бледное до синевы лицо.

— Чёрт возьми... — выругался я, и голос сорвался на хрип.

Я моргал, пытаясь прогнать остатки наваждения, но страх никуда не уходил. Он поселился в груди ледяным комом, растёкся по жилам, заставил пальцы дрожать. Я прожил всё это. За одно короткое мгновение, за один удар сердца, я прочувствовал ужас гибнущего народа, впитал их боль, их отчаяние и предсмертные крики. Это не было просто картинкой. Это было реально. Слишком реально. И теперь этот опыт сидел во мне, пускал корни, отравлял мысли, заставлял сердце сжиматься от одного воспоминания о пережитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.